

АЛЕКСАНДР КОНТОРОВИЧ

ДЕСАНТ

«ПОПАДАНЦЕВ»

Александр Сергеевич Конторович

Десант «попаданцев»

Серия «Десант «попаданцев»», книга 1

*Текст предоставлен правообладателем
http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=2670975*

Аннотация

Не сумевшие сдержать своих эмоций политики очередной раз привели к катастрофе наш мир – он вспыхнул всеуничтожающим пламенем ядерных пожаров. Но начавшийся катаклизм выбросил в далекое прошлое горстку самых разнообразных людей. Музыканты и инженеры, юрист и солдат – все они оказались в одном месте. Единственное, что их связывает – опыт взаимного общения на литературном форуме. Что предстоит сделать новоявленным Робинсонам, оторванным от привычного уклада жизни? Растворится ли в неизученных лесах североамериканского континента небольшая горстка людей? Падут ли они под неудержимым натиском колонизаторов этого края – англичанами и испанцами? Украсят ли своими скальпами индейские вигвамы? Ведь их слишком мало для этого времени. Времени, когда уважали только силу...

Содержание

Пролог	4
Глава 1	48
Глава 2	116
Конец ознакомительного фрагмента.	123

Александр Конторович

Десант «попаданцев»

Пролог

*Помнишь тот край Земли, где нашла на камень
её коса?*

Но, уходя, она не стала прощаться.

*Что ж, рядового Райана поздновато уже
спасать:*

Просто ему больше некуда возвращаться.

Наша эпоха дымом ушла в осенние облака —

Тающий эшелон грозового фронта

*Мы можем только смотреть, как в кулаке
сминает закат*

Тонкую красную линию горизонта.

*Это как если бы Бог, решив расставить всё по
местам,*

Мир располосовал на две половины

Тонкая красная нить, элементарная красота —

Тоньше струны, краснее гемоглобина.

*Это как сны, оставленные на рваной, как флаг,
заре*

С запахом пороха, снега и креозота

*Росчерк драгунской сабли над рёвом вздыбленных
батарей —*

Говорят, каждой вещи есть свое время и место в этом мире. Говорят, что сам мир – тоже вещь, которой рано или поздно настанет конец. Те, кто исповедуют это, забывают: мир способен меняться. И эти перемены они, наивные, воспринимают как Апокалипсис...

Радияция рано или поздно снизится до нормы. Пустыни на месте стран, именовавших себя (и только себя!) цивилизованными, заполнятся новой жизнью. Безжалостное время сотрет с лица планеты следы деятельности тех, кто когда-то звался людьми, а их жалкое, выродившееся потомство, сохранившееся в самых дальних уголках, разделится на несколько враждующих видов и окончательно утратит память о былом величии. Что для Земли несколько тысяч лет? В ее долгой истории бывали эпизоды и похуже. Пережила, переварила, переиначила по-своему...

Земле снилось то, чему суждено было вот-вот сбыться.

Способны ли испытывать страх планеты? Не знаю. Может быть, и способны, это еще никто не проверял. Земле приснилась боль, которую вот-вот причинят своей матери – и друг другу – неразумные дети, и ей стало страшно. Почему? Разве нельзя было сделать совсем иначе? Ведь можно же, она точно знает!

Пусть сбудется сон. Неразумные, маленькие дети добрались до спичек и развели в доме костер? Пусть. Этот костер

поможет ей сделать одно усилие. Одно маленькое усилие, которое на фоне начинающегося адского безумия пройдет совсем не замеченным.

Земле приснился новый сон. Сон, который уже не был страшен.

* * *

Записка, найденная в бутылке

Нашедшего эту записку прошу немедленно передать ее дежурному в ближайшее отделение милиции.

Уважаемые сотрудники милиции!

Тринадцатого июня сего года я был похищен с участка Горьковского шоссе в Балашихе между универсамом домашней еды и «Макдональдсом» и против своей воли участвую в качестве подопытного в эксперименте над людьми.

К моменту похищения я, на принадлежащем мне технически исправном автомобиле, стоял в пробке в направлении в область во второй справа полосе. Момент похищения описать не могу, так как потерял сознание. Очнувшись, я обнаружил себя в автомобиле, стоящем на холме, и не увидел ни дороги, ни других автомобилей. Проверив свое состояние всеми известными мне средствами (щипание, зажмуривание

глаз, поза Ромберга), я установил, что нахожусь в сознании в незнакомом мне месте. Предполагаю, что имеет место создание виртуальной реальности, потому что растения и животные, которых удалось разглядеть, мне незнакомы и не похожи на те, что присутствуют у нас в средней полосе.

Передвигаясь по местности, я нашел других людей, которых насчитал свыше тридцати. Некоторые из них, видимо, также подопытные, находятся в подавленном состоянии и мало общительны. Однако несколько человек, видимо, проводящие эксперимент, пытаются убедить нас в том, что мы «заброшены» в другое время и место. Нас содержат в плохих бытовых условиях, не позволяют отходить от лагеря, ограничивают в пище и сне, объясняя это опасностью нападения индейцев, испанцев и англичан. Днем нас заставляют работать – как правило, копать землю, и оказывают психологическое давление громким голосом и нецензурной бранью.

Также экспериментаторы отбирают у подопытных мобильные телефоны и радиостанции и препятствуют попыткам установить связь с родственниками и милицией, мотивируя это необходимостью беречь батарейки.

Считаю своим долгом предупредить, что экспериментаторы вооружены автоматическим оружием отечественного и иностранного производства и вооружили подопытных. Я видел две снайперские винтовки, не менее четырех автоматов Калашникова

и много охотничьих ружей, двустволок и карабинов «Сайга». Пулеметов, вообще тяжелого вооружения и техники не видел, но они могут быть спрятаны в находящемся рядом с лагерем лесу.

Прошу вас принять меры по прекращению незаконного эксперимента и возвращению мне отобранного у меня имущества в виде автомобиля «УАЗ» (госномер ...) с грузом.

С уважением

Александр ... паспорт № ... серия ... выдан ... 20..

*** * ***

*Пусть капелью ржавых минут
Точит наши сны неизбежность,
Атомный сверхновый завет.
Грозовые улицы ждут:
Вспомнишь ли свою принадлежность —
Группу крови на рукаве?
Д. Корогодов*

Свойство этого пушного зверька подкрадываться незаметно, увы, проявилось в полной мере. Ну, нах янкесам надо было лезть в Иран? Ираком не наелись? Так нет же, устроили шоу с концентрацией войск на ирано-иракской границе. Раструбили на весь мир. И огребли. И весь мир вместе с ними.

Ахмадинежад Иранский, он ведь не дурак был. Юлил-крутил, вешал лапшу на уши всем, начиная от МАГАТЭ и

кончая Китаем, и так, тихой сапой, умудрился-таки занять четыре атомные бомбы. Точнее, боеголовки. И применить. Когда американцы заявили, что завтра в восемь ноль-ноль они начинают устанавливать демократию на иранской территории, их сгубила собственная наглость и упоение своей крутизной. Когда, в семь утра, Иран произвел массированный запуск ракет по скоплениям американских войск, их ПВО отработала на отлично. Только вот запущены были две волны. В первой шли неуправляемые «Зелалы» и «Назеаты» и антикварные «Скады». По ним-то и отработали «Пэтриоты». И успешно так отстрелялись. А следом долетели запущенные чуть позже пара «Шихаб-3» с ядерной начинкой. Одну успели сбить, видно, какая-то из батарей «Пэтриот» успела перезарядиться, но второй хватило на всех. Две дивизии исчезли в пламени ядерного взрыва. Пострадало так или иначе множество танков и прочей техники. А ту или иную дозу радиации хватануло тысяч семьдесят американских солдат. Это был шок.

Следом Иран нанес удар и по израильской территории – помирать, так с музыкой. Оставшиеся «Шихабы-3» следующей волной пересекли Ирак, Иорданию и... не долетели. Часть ракет была сбита израильской ПВО, однако обе ядерные рванули на территории западного берега реки Иордан, частично решив израильтянам палестинскую проблему. Но Израиль не мог стерпеть ядерные удары даже по этой части своей территории. И на месте Ирана на карте мира образо-

валась радиоактивная пустыня.

Мир был в шоке, однако происшедшее оказалось только началом. Исламская истерия стала набирать обороты. В Пакистане произошел очередной переворот, на этот раз с фундаментал-мусульманским уклоном. А еще через день пакистанские ядерные ракеты полетели в сторону Индии. Инду-сы к такому повороту событий были готовы и большую часть ракет перехватили. На их территории сработали только две боеголовки. Еще несколько штук упали, но не взорвались. А потом прилетело и Пакистану. Сначала от Индии, потом, чуть погодя, от Китая. Почему китайцы вписались в эти разборки, я не знаю, но итог – еще одна дырка на карте мира. Впрочем, у них наверняка были свои планы относительно исламского мира. Наконец опомнились и США. И вклепили по Китаю, наверное, чтоб не вступал в чужие разборки. Или их китайский ширпотреб задолбал... И понеслось.

На этом фоне западные вопли «надо делиться», по поводу открытия российских ученых в Сарове, прошли особо не замеченными, хотя напряг уже чувствовался. По крайней мере, на границах с Прибалтикой началось какое-то нехорошее шевеление. На это наложилось очередное антироссийское обострение в Эстонии, где сконцентрировалась пара натовских дивизий. В ответ на это Россия начала какое-то подобие мобилизации, что выразилось в усилении постов ДПС военными.

2010 год

Котозавр

Для меня лично эта история началась с повестки в почтовом ящике, которую я вытащил, вернувшись домой с вылазки «в пампасы». Отпуск? Нет, гораздо проще. В достаточно дурацком графике моей работы есть несомненный плюс: если неким образом освободиться на две ночные смены, то они в сборе с двумя группами выходных дают шесть «дней свободы от забот». Цена вопроса – пара сотен в стол участкового терапевта.

Моя нелюбовь к СМИ, печатным и электронным, привела к тому, что симптомы приближающейся грозы я принял за обычную тучку. Ну да, в Сарове произошел какой-то инцидент – так ведь ни один день без происшествий не обходится. НАТО в очередной раз вякает на Россию – видать, время пришло для выборов или попила оборонных бюджетов. Наши вожди опять грозно заявляли в прямом эфире, гарантируя «не допустить и пресечь» – работа у них такая. Просторы Интернетов были традиционно заполнены кучей бреда «из достоверных источников» и доморощенной конспирологии.

Информация о том, что НАТО требует контроля над разработками одного единственного научного центра под предлогом их важности для всего человечества, прошла в категории бреда и приличными блоггерами не обсуждалась.

Шесть дней отсутствия в реальности вернули меня не в ту страну, из которой я уходил. Североатланты в унисон с дядей

Сэмом не просто орали про попирающую демократические ценности Империю Зла, а уже бряцали оружием по полной программе. В Польшу и Прибалтику перебрасывались войска! Не батальонами, чтоб обозначить присутствие, а бригадами. Наши гаранты, оба-двое, вещали по очереди про «недопустим, национальное достояние, суверенитет» и что-то про «асимметричный ответ» враждебным проискам. Малость охреневши от увиденного по зомбоящику, я полез на Ганзу, в «палату параноиков», за информацией и попрощаться с обитателями.

151-й раздел встретил блудного сына закрытыми топиками и единственной работающей темой: «Мобилизация». В стартовом сообщении модератор предупреждал о запрете писать свой ВУС и подробности, кого-куда-когда забирают. Военная тайна. В постскриптуме мудрый Громозека предупреждал всех: «Сопалатники, все **ОЧЕНЬ СЕРЬЕЗНО**, звєрушка уже здесь. Беркема фтопку, желаю всем не только выжить, но и остаться людьми».

Хваля себя за хомячество, начал собираться. «Кружка, ложка, мыльно-рыльное и еды на трое суток» – не самый лучший стандарт для сборов в армию. Призывнику в мирное время пойдет. А вот прослуживший десяток лет прапорщик, то есть я, ни разу не сумел послужить в той Российской армии, про которую рассказывали в передаче «Армейский магазин». Автомат мне, конечно, выдадут, и на том спасибо, но в нормальную обувь, форму и снаряжение не верилось со-

всем. Понадобилась Первая Чеченская, чтобы генералы признали некоторое несовершенство стандартных калашниковских подсумков и допустимость ношения солдатом свитера зимой. До нее – «вшивники» беспощадно истреблялись, а ношение приравнялось к измене Родине.

Понадобилась Вторая Чеченская, чтоб армия начала закупать разгрузочные жилеты, свитера и вязаные шапочки. Дешевые донельзя и соответственного качества, они оказались шагом вперед по сравнению с тем, что было раньше. Но даже этот прогресс в условиях всеобщей мобилизации мне не светил. Увольняясь из рядов, всю свою «навеску» я раздарил парням в Ханкале, увозя домой только сумочку с сувенирами. А уже дома купил комок, разгрузку, комплект подсумков и «кэмелбэг». Люди, подскажите, зачем эта фигня гражданскому человеку? Я – не знаю. После трехлетней выдержки в шкафу снаряга пригодилась для тактического пейнтбола. Так что у меня в наличии испытанный и подогнанный комплект, в котором можно прослужить до морозов, а там ... или ишак помрет, или падишах, или я. Ножи, котелок, китайский бинокль, огниво, презервативы (куда ж без них), несессер, пара ИППшек, аптечка-минимум, скомплектованная по заветам «палаты 151», иголки, нитки и еще куча мелочей, без которых жизнь служивого становится грустна и печальна. Уже немало набралось, докинуть тушняка и сухарей до носимого веса, и ... берегись, пиндосы, прапор на тропу войны вышел.

Утро, гнуснейшая часть суток. Какая сволочь придумала просыпаться раньше полудня, если вчера-сегодня трое мужиков устроили сами себе «отвальную»? Женька и Борис отслужили срочную в разные года и в разных частях, но – связистами. Так что повестки им пришли одновременно. Сколько же пива можно употребить под разговор о судьбах мира? Много. Ушли парни своими ногами, но на контрольные звонки отвечали уже жены, независимо друг от друга сообщив мне, что мы, мужики – козлы, которым нужен лишь повод нажраться.

В коридорах и кабинетах военкомата перманентный бедлам. И в мирное время добиться толку от его обитателей сложно. Мне пришлось зае... утомить своей настойчивостью многих, прежде чем замвоенкома прочел мои документы.

– Старший прапорщик, погранвойска? Тогда вам не сюда, а в отдел ФСБ по нашему району.

– А какого хрена в повестке прибытие сюда? Я полдня торчу там, где меня не надо!

– Идите нахрен, Константин Валерьевич, мои канцеляристки могли вас вообще в эскадрилью конных водолазов определить, у них это запросто.

– Есть идти нахрен, товарищ майор!

Отдел ФСБ встретил относительно нормальным порядком, народу все ж поменьше, и несколькими знакомыми физиономиями бывших погранцов, с которыми вместе купались в фонтане на День Пограничника. А чем мы хуже десантуры?

Красноглазый и осунувшийся начальник отдела, осмотрев нашу бравую команду (два майора, прапорщик, пятеро старшин и рядовой), выказал одобрение: ну хоть с чего-то начнем. Военкомат такой подарочек подкинул – не приведи господи. Значит, так. Формируем отряд пролетарского гнева, в смысле – роту охраны тыла, командиры есть, личный состав... познакомитесь.

Познакомились. Стала понятна фраза про подарочек из военкомата. Двадцать пять «партизан» похмельной наружности. Столько же «духов», только что с учебного центра. У партизан профессиональные мозоли операторов мыши, или скороговорка «манагера по продаже», более пяти раз не подтянулся никто.

Молодняк – весеннего призыва, дети реформ. Тощие, мелкие, приклад от ствола отличают, лейтенанта от капитана тоже, посчитать в уме два трехзначных числа уже не могут. Подтянуться, кстати, смогли не более половины. Гроза НАТО блин!

Веселая задача – формировать подразделение с нуля. Разместились в спортзале второй школы, встали на довольствие в ней же. В пищеблоке уже командовал пузатый колобок по фамилии Лобко, гоняя персонал в хвост и гриву с воплями «я здесь наведу нормальный флотский порядок! И похрену, что мы на суше». Офицеры занялись перетасовкой бойцов в два взвода, пусть пока и без оружия. Ротный, Андрей Сердаров, на «газели» командира первого взвода уехал доставать

оружие своему подразделению, ибо никто не мог сказать точно, кто нас обязан вооружить. Немного поторопился. Волею мобилизационной тыловой мысли к нам приехал КАМАЗ с имуществом, и тут я поверил в неизбежность войны. Кто не служил в армии, тому трудно понять всю силу моего потрясения: сержант-водитель, он же старший машины, передал прапорщику(!) сто автоматов АК-74 м, четыре СВД, четыре ПКМ, четыре РПГ-7, боеприпасы ко всей этой красоте, кучу имущества просто под роспись в ведомости! Без сверки номеров и комплектности. Ему, видите ли, было некогда ждать нашего командира. Причем, когда я нагло обсчитался на ящик патронов в свою пользу, водила спокойно подписал с пометкой «утрачено при транспортировке».

На прямой вопрос, что думает прокуратура по поводу таких вольностей, он только невесело ухмыльнулся и ответил:

– Приказ командования, главное – доставить груз и вернуться. Несколько машин уже потеряно, с завтрашнего дня переходим на систему конвоев.

Ого! Еще наши мародеры или уже ИХ диверсанты? А мы ни сном, ни духом. Все веселее и веселее... Скинув на замполита заботы по выдаче и закреплению оружия, я побежал домой, где со скандалом и призывами к здравому смыслу вручил маме винчестер с отсканированными семейными фотками, собаку, документы и, не давая опомниться, отправил к отцу: деревня в лесу безопаснее города с химкомбинатом на стратегической дороге в Европу. А хороший медик и там ну-

жен. Отдраив калаш от консервационной смазки, я вспомнил про ружье: жалко будет, если его сопрет уродец, залезший в бесхозную квартиру. Милиция уже превентивно прессовала свой подопечный контингент, но это дерьмо сколько ни черпай – все равно не кончится.

Перед домом меня поджидал в машине Сердаров, матерящийся на погранвойска, ФСБ, мобилизацию и свою незавидную судьбу: рулить в этом бардаке. Как будто в его любимых ВДВ порядка больше. Хоттабыч добыл сорок СКСов, патроны, каски, лопаты и лопатки, и тут узнал, что тыловики нас уже снабдили. Куда девать сверхштатное вооружение? Пошевелив мозгами, мы приняли нормальное хомяческое решение: пока рота дислоцирована в городе – держим все у себя, «моошет быть, пригодитцаа...». Не дай бог, еще ополченцев вооружать припрет, как в Дагестане-99.

– Андрей, как думаешь, нас сразу ядренбатом накроют или сначала эстонские танки проедут? Инфа есть?

– Не будут атланты свой маршрут травить. В Таллинне восемьдесят вторая бронекопытная высаживается и британцы какие-то. Прыгнут к нашим мостам SASовцы и зеленые береты, пойдем мы их ловить и очень быстро кончимся, мля... Повоюешь, Рембо доморощенный, у тебя до сих пор детство в заднице играет. На фига еще ружье потащил? С двух рук палить собрался?

– Тестю бывшему отдам, он непризывной, а шваль вокруг дома бегать будет, по-любому.

Подхватив сумку с заднего сиденья, я протянул руку к калитке... Вокруг все залило ослепительно яркой чернотой... и пинок в спину отправил меня в кусты. Колючие, мля!

Зануда

Истинно говорю вам: большой город – это большая лоушкa. В самое мирное и спокойное субботнее утро с восьми утра до двух пополудни на выезде из Москвы многочасовые пробки. А уж сегодня – какое-то безумие. Железная толпа и, кажется, даже со стрельбой. Тоже, кстати, признак надвигающейся катастрофы – подрихтовавшие друг другу крылья и борта не ждут ГАИ и не оформляют протоколы. Драки и битье стекол бывают, сам видел, но у всех застрявших в этой пробке самое сильное желание – удрать из города. Включая первую, проползаю еще метр и снова ставлю машину на ручник.

Военным хорошо – у них связь, командиры и приказы. Вот пронеслась в город колонна бронетранспортеров. Еще, пожалуй, повезло тем, кого эвакуируют по железной дороге. А вот эгоисты и индивидуалисты, вроде меня, давят сейчас друг друга в прямом и переносном смысле. За разделительным барьером из города проносится колонна автобусов. Стоящие в пробке возмущенно гудят. Обидно, конечно – они летят по пустой трассе, а нам ползти в шесть рядов, включая обочину и кювет. Но, с другой стороны, это значит, что порядок еще поддерживается. Все равно тревожно. Слишком

резко отпуская сцепление, машина дергается и продвигается еще на метр.

Не заезжал бы в гараж – может, и успел бы проскочить до пробки. К черту «бы». Без инструмента я «менеджер» и офисный планктон, работник задницы и языка, а с инструментом круче вареного яйца. Только вот стою в пробке, как последний дурак. Слева – волосатый мужик на джипе, справа дамочка, которой приятно заглянуть в декольте, спереди – просевшая «жигулятина» с полосатыми тюками на крыше, сзади – что сзади, не видно, ящики и мешки накиданы до потолка.

Не спать, не спать, тем более с ногой на сцеплении. Жарко, воняет дизельным выхлопом. Может, и к лучшему, что подружка не поехала. У них в клинике кондиционер. А смеяться с дежурства – я за ней заеду, в город-то дороги свободные. Кажется, в этот момент я все-таки задремал, потому что ничего не увидел, только кожей ощутил жар и боль.

Ирина

Сидела я в столовой и малевала клумбу с «цветочками» разноцветными карандашами в большом альбоме. При мне был цветастенький рюкзачок с рабочими шмотками и десятком любимых книжек научной, юмористической и прочих фантастик. Рисую, попивала клюквенный чай из стакана с чеканенным подстаканником, поставленного на поднос с комплексным обедом, к которому я пока еще не притронулась.

НикТо

«Только-только начал наклеиваться вариант с новым местом работы, а тут эта заварушка. И чего пиндосам свербит? У них стратегический интерес по всему шарик, а другим – сидеть под стулом и не рыпаться? И нефть эта... Как в том анекдоте: «Над нашими стратегическими запасами топлива обнаружены какие-то страны». А может, дело было вовсе не в нефти? Бродили ведь какие-то слухи... И понеслось. Под откос, кувырк, и с песнями.

Именно с такими мыслями еще несколько дней назад шел я в магазин, торгующий охотничье-рыбачьими принадлежностями. Ввиду всех этих мировых неясностей и взаимного бряцания оружием на семейном совете было решено принять меры к самосохранению. И крайняя зарплата вместе с отпускными были потрачены на покупку «Сайги», полусотни патронов, двух комплектов камуфляжа для себя и жены. (На всякий случай, а то мало ли...) Ну, и всякой полезной мелочевки. Вот только не успел еще дома разобраться со всеми этими мужскими игрушками и съездить за город опробовать «ружжо», как по всем каналам прошло обращение президента. Это было еще не военное положение, но... «Песец приближается».

Городской военкомат недавно отремонтировали. Так что и в обычном-то состоянии разобраться бумагами лейтенанта запаса было бы толком некому, а уж теперь – тем бо-

лее. Я толкнулся в несколько дверей, пытаюсь выяснить, куда направляться, но ответа не было. Только в одном кабинете замотанная миловидная женщина средних лет с усталыми глазами, в полевой форме с майорскими погонами, покопавшись в ящиках с ярлычками «ТГТУ 2000–2005 гг.», нашла какой-то формуляр. Успел увидеть на нем свою старую, еще студенческую фотографию. Женщина посмотрела на нее, потом на меня, что-то записала у себя в блокноте и ненадолго вышла. Вернулась она минут через двадцать.

– В общем так, молодой человек. С документами вашими разобрались. В списках вы были, только не первой очереди. Но раз уж пришли, то... Знаете, как говорят в армии?

– Ага. Инициатива любит инициатора.

– Вот-вот. Завтра в восемь ноль-ноль вам надлежит прибыть в здание военкомата. Соберете личные вещи, с родными пообщаетесь... Пока и здесь в городе для «партизан» работа найдется. Ну, а там видно будет.

– Ясно. Можно идти?

– Идите. И пора вам уже отвыкать от гражданской жизни, Николай. Не «ага», а «так точно»...

– Не «можно», а – разрешите. Я понял, товарищ майор. Разрешите идти?

– Идите. И побриться не забудьте. Усы в армии для офицера еще куда ни шло, а вот бородка эта ваша...

– Ясно. Сделаю.

Дома было холодное молчание жены, прятавшей за ним

свою растерянность и слезы, неловкая суета тестя и тяжело вздыхавшая теща, накрывающая на стол. Я подошел было к Марине, но та убежала в соседнюю комнату, из которой почти тут же раздался приглушенный плач.

Немного постояв перед закрывшейся дверью, сел за кухонный стол.

– Не поспешил, Коля? Вон родственники уже в деревню уехали. Может, стоит с ними? Место хорошее, огород тоже имеется, и ружье у тебя теперь тоже есть...

– Нет, Наталья Петровна. Мне стыдно будет. Не будем больше об этом.

Доели в молчании. После обеда прошел в комнату, где на диване все еще лежала жена. Плакать Марина уже перестала и теперь молча смотрела в потолок покрасневшими глазами. Присел рядом.

– Мне завтра в военкомат надо будет прибыть с вещами. Соберешь? Ну там мыло, полотенце, то-се...

– Хорошо. А ты сам-то чего, не можешь?

– Марин, я к сыну хочу сейчас съездить.

– Понятно... Когда вернешься?

– Не знаю пока. Вы дома сидите, не ходите никуда. Я быстро.

– Хорошо.

Помолчали. Марина села на диване, обняв меня за плечи.

– Ты к ним поедешь, скажи Маше... Ну, если вдруг что – пусть мне звонит или приходит. Телефоны наши дай, адрес

напиши. Все ж таки легче будет, куда ей с пацаном одной-то?
– Спасибо.

Обнял жену и поцеловал ее в заплаканные глаза.

– Я быстро, ты не волнуйся. Сходи, кстати, в «Служивый», говорят, он еще работает, звездочек купи. Муж теперь офицером будет. И – не запаса!

Прощание с сыном вышло тяжелым... Я понимал, что шансы вновь увидеться в случае начала серьезной заварушки весьма условны. Это при мирной жизни «бывшая», работая хорошо оплачиваемым инженером в офисе, могла бы обеспечить и себя, и пацана. А если подкрадется пушистый лесной зверь, то... Слишком уж она не приспособлена к обычной жизни. А принять помощь других родственников будет мешать пресловутый шляхетский гонор и нежно лелеемая обида. Хорошо хоть все контакты и адреса родичей записать изволила.

Поспать удалось немного. Все пытались сообразить, что делать дальше и как выживать. Город хоть и небольшой, но все ж таки областной, кое-что заслуживающее небольшого «ядренбатона» имеется. Поэтому было решено, что на следующее утро родители жены вместе с ней отправляются в деревню к моему отцу. Вместе с недавно купленным оружием и всем, что может оказаться полезным. А таких вещей у запасливого тестя оказалась немало. Вот пока готовились – почти вся ночь и прошла.

Проснулись все рано. Даже жена – заслуженная сова – и

то вскочила ни свет ни заря, хотя до назначенного времени оставалось еще пару часов. Новый камуфляж был выглажен, а рядом с выключенным компьютером лежали четыре маленькие звездочки защитного цвета.

Маотно было... Все ж таки не каждый день «на войну» уходить приходится. Чтобы отвлечь себя от тяжелых мыслей, взялся перебирать собранные вчера в дорогу вещи. А вышло немало. Хорошо хоть у тестя нашелся старый рюкзак, с которым он в свое время выбирался по грибы и на рыбалку. В нем, кроме обычного набора «бритва-мыло-полотенце и сменное белье», нашлось место и для четырех банок домашнего консервированного мяса и трех пластиковых полулитровых бутылок со спиртом. Пригодилось и мое сувенирное увлечение. Многие, когда путешествуют, собирают памятные вещи о местах, где побывали. Брелки, магнитики на холодильник с местной символикой и тому подобную мелочевку. Жена набирала колокольчики, а я – ножи. При чем старался брать не декоративные, а такие, которым бы нашлось реальное применение. Мультикул «из Воронежа» например, так вообще постоянно с собой носил, уже даже не чувствуя его на пояском ремне. Из трех десятков имеющихся сувенирным можно было бы назвать только нефритовый, привезенный из недавней командировки в Иркутск. Так что, немного подумав, засунул в боковой карман рюкзака три метательных ножа-пластины с оплетенными шнуром ручками и пару небольших охотничьих. «И для себя пригодится, а

там, глядишь, с военными на что-нибудь полезное махнусь». По другим карманам распихал соль и перец в пластиковых коробочках из-под витаминов. Хорошо, что ночью распотрошили все домашние «стратегические» запасы, и все, что может испортиться – переложили в такие баночки.

...Оставшееся до выхода время пролетело как-то незаметно. Последние слезы жены, объятия и поцелуи, прощальный подарок тестя – механические «Командирские» часы, заметившего, что зять уходит без нормальных часов. (Привыкли все, понимаешь, к сотовому. А в поле или лесу? А без зарядки и электричества? Держи, держи, не сомневайся, не подведут. Тебе они по-любому нужнее будут, чем нам.) И вот уже все вместе стоят в коридоре, провожая.

– Присядем на дорожку?

– Наталья Петровна, ну какая дорожка? Тут до военкомата всего минут пятнадцать идти. Вот увидите, сегодня еще и на обед припрусь.

– Это всегда пожалуйста... Если не придешь, то там поесть не забудь, миску и кружку тебе положили, ложку тоже... Ты сообщи, если вдруг куда-то отправят.

– Обязательно. Марин, ты не реви, все нормально будет. Пошипим друг на друга, железками побрыкаем, да и разоидемся по домам.

– Тебе-то легко так говорить. А мне... – она провела рукой по округлившемуся животу.

– Ладно. Живы будем – не помрем, – резко встал, забро-

сил рюкзак на одно плечо и обратился к теще:

– Можно мне кваску на дорожку?

Наталья Петровна достала из холодильника полторашку мучного кваса собственного изготовления. Я протянул руку и, скручивая пробку, улыбнулся жене. В этот мгновение кухню и коридор залил ослепительный СВЕТ.

Динго

Еще когда началась заварушка в Пакистане, я подумал: «Надо валить из города. И желательно подальше». Для начала, запасшись продуктами, рванул на дачу. К сожалению, мою жену начальство две недели назад отправило на некие курсы повышения квалификации куда-то под Нижний Новгород. За день до моего отъезда она позвонила и обрадовала тем, что их вывезли в какой-то удаленный детский лагерь, и выбраться оттуда нет ни какой возможности.

На даче было кое-что, правда, не у меня, а у соседа. Соседушка мой по имени Витя (относительно, конечно, соседушка – участок через два дома и ручей) был слегка сдвинут на идеях выживания и, когда у него находились время, деньги и начиналось очередное обострение, усердно готовился к встрече Большого Песца. По крайней мере, купив тот участок, он приволок на него здоровенный железный гараж и выкопал под ним натуральный бункер. Все чин-чином, забетонированный, с вентиляцией, генератором и прочими атрибутами убежища. Правда, как потом оказалось, запасов в

него Витек натащить еще не успел. Самое смешное, что они ему уже, скорее всего, и не понадобятся. Неделию назад он отправился с женой отдыхать в Израиль на Мертвое море. Как раз туда и прилетело. Считаю я вроде как наследство получил. К тому же и помогал ему кое в чем.

Так что наведаясь в гараж вечером, при первой же возможности. Благо знал, где ключи. Они были спрятаны весьма оригинально. Столбик из вбитой в землю трехчетвертной водопроводной трубы завинчивался самой обыкновенной заглушкой. Все покрыто слоем застарелой ржавчины, и не подумаешь, что она легко отворачивается по заботливо смазанной резьбе. Труба забита деревяшками почти под самый верх, сантиметров пять-шесть оставлено. Там ключики и лежат. В гараже стоял потрепанный «уазик», купленный Витькой с полгода назад. За это время он успел полностью перебрать ходовую, трансмиссию и отдать двигатель на капитальный ремонт. Машина, несмотря на свой потрепанный вид, находилась в полной боевой готовности. А то, что ржавчина наждачкой зачищена и кисточкой покрашена – так и фиг с ним. Но интересовал меня в первую очередь не транспорт.

Забравшись в смотровую яму, я залез в боковой отнорок, поднял крышку и спустился по узкой металлической лесенке в сам бункер. Пощелкал выключателем, но где там. Аккумулятор подсветки уже разрядился. Пришлось доставать фонарик. А искал я ружье. Точнее говоря, обрез. В прошлом году Витек приволок откуда-то искалеченный ТОЗ-34. На

него упало что-то очень тяжелое, изуродовав стволы где-то в сорока сантиметрах от казенника. Тогда он тихонько позвал меня посмотреть на это приобретение и спросить совета. Мы, после недолгих размышлений, аккуратно обрезами измятое, оставив стволы длиной в тридцать пять сантиметров. Приклад тоже отпилили, а вместо него сделали и прикрутили складной плечевой упор по типу как на АКМС. А в остальном механизмы ружья были в отличном состоянии. Тем более что исполнение было явно штучное, а не валовое серийное. Получился такой двуствольный мегапистолет-карабин. Мечта кулака, одним словом.

Обшарил я весь бункер, но не нашел ничего интересного, вылез наружу и стал думать. И припомнилось мне, что лазал-то Витек за ружьем не так долго. Значит, оно где-то в яме смотровой, но вот где? И я снова полез под машину. Простукал стенки – ничего. В полу тоже никаких скрытых тайников не нашлось. Остается потолок. А потолок в подвале шикарный. Старые рельсы вдоль уложены, а у краев смотровой ямы трубой двухсотмиллиметровой окантованы. Трубой? А что это у нее за дырочки? Оказалось, что, если вставить в них рычаг, трубу можно повернуть. А в ней прорезь широченная. А там ништяки.

Кроме обреза в тайнике нашлось еще одно ружье – «итак-37», последний помповик, разработанный лично дядькой Браунингом. Крепкая, надежная система. Никаких легких сплавов, кругом добротная оружейная сталь. Кроме того,

там лежали две пачки капсюлей, несколько пакетов латунных гильз, початая банка пороха, банка дробы «Тайга № 3», пакет картечи, около сотни патронов и принадлежности для перезарядки. В коробке с принадлежностями имелась табличка, чего и сколько сыпать, наклеенная на картонку и заламинированная скотчем. Оружие я пока засунул обратно, а гильзы, принадлежности и прочую амуницию забрал – что это все в рассыпуху лежит. Патроны, они нужнее.

Весь вечер и следующий день занимался снаряжением патронов. Умаялся прилично, но оно того стоило. Накрутил полторы сотни – кончился порох. Гильзы, дробь и прочее еще остались. Под вечер на соседней дорожке нарисовались какие-то мутные личности, и я на всякий случай перетащил оба ружья к себе, и спал в пол-уха, не раздеваясь. Однако все обошлось, под утро эти типы завели свое ведро с дырявым глушителем и испарились. Часов в десять отзвонилась жена, сообщив, что их загоняют в бомбоубежище и чтоб я не волновался. А около полудня по радио передали – Китай нанес удар по Новосибирску, Омску и Владивостоку. Большой Песец начался.

Я снова рванул в соседский гараж, собрал в «уазик» все инструменты, какие там нашел, поставил две канистры с бензином, прихватил два баула с одеждой Витькиной, после чего перегнал машину к себе на участок. Там покидал в нее оставшиеся продукты, собрал все, что может пригодиться, и, прихватив свой походный рюкзачок, выехал на Углич-

ское шоссе. Бункер – это, конечно, хорошо, но одиннадцать кмэ – не то расстояние, на котором можно чувствовать себя спокойно при ракетно-ядерном ударе. В том, что Ярославль будет одной из приоритетных целей, я не сомневался.

За час отмотал где-то километров шестьдесят. С учетом того, что водительский стаж у меня никакой, да и прав, вообще-то, нет, это было неплохо. Всю дорогу приходилось старательно прислушиваться к сообщениям по радио, и сразу после того, как показался поворот на Пестово, передали предупреждение о ракетном нападении. Я немедленно свернул с шоссе и, осматриваясь по сторонам, поехал по неширокому разбитому асфальту. Ага, вот что мне надо: накатанный съезд и следы колеи, ведущие в овраг за лесополосой. Там можно и укрыться. Подключив передний мост – хабы были включены еще при выезде с дачи – аккуратно спустился в овраг и не спеша двинулся по нему вглубь. По дну оврага тек ручеек, и нужно было соблюдать осторожность, чтоб не застрять. Вспышку увидел, когда забрался километра на полтора. Инстинктивно нажав на тормоз и заглушив двигатель, выскочил из машины. Бамс. Искры из глаз. Этого дерева тут только что не было. Мать. Мать! Мать... Куда же я попал?..

Елена

«Правильно мы сделали, что свалили из Харькова».

Мыслей в голове у меня всегда немало, но эта, назойливая, словно муха, никак не желала отцепляться. А ведь и в

самом деле, могли бы оказаться в эпицентре большой толстой Ж... Что такое Днепропетровск? Днепропетровск – это Южмаш. А что такое Южмаш? Это ракеты стратегического назначения. Троллейбусы и загубленные пиндосами «Морские старты» – так, побочный приработок как бы не из отходов производства тех же ракет. Ну, и ударили по нему, по одному из первых... Ссуки лагерные... По нейтральной стране. У меня в Днепре куча родни... была...

Сотни тысяч человек в один момент. Одним «ядренбатоном»...

При одном воспоминании об этом я чувствовала, что закипаю. Я была готова растерзать врага, дай только удостовериться, что это именно враг.

Я знаю, что могу убить, хотя никогда в жизни не отнимала человеческой жизни. И пусть либерастогуманисты клеймят меня как хотят. Я готова убить ради тех, кого люблю.

Дом – длинная «хрущоба» – почти пуст. Света нет вторые сутки, воды – чуть менее двух суток. Про газ вообще помолчу, подачу «голубого топлива» прекратили как бы не раньше всего. На улицах стоит брошенный транспорт, бродят поношенные собаки, потерявшие хозяев, во дворах снуют стремительно дичающие кошки... Ночью я слышала отдаленные крики. Мародеры. Не гнушаются убивать, если застают хозяев дома... Люди уходят отсюда любыми способами. Ветер, конечно, отнес радиоактивное облако куда-то в херсонские степи, но харьковчан это не радовало. Говорили, будто вто-

рой «подарочек» был адресован именно сюда, но его сбили российские ПРО. Отсюда до границы километров сорок, достали – и слава Богу. Значит, у нас есть небольшая отсрочка. Пока пиндосы не подавят ПРО и не повторят «месседж»... Под окном стоит неприметная грязно-зеленого цвета маршрутка. Кто-то бросил, сочтя неисправной, а там всего-то надо было свечи нормальные поставить. Что я и проделала. Потом ограбила бензозаправку, откачав ручной помпой в канистры все, что не успели выгрести уезжающие. Потом наведальсь в супермаркет. Конечно, после мародеров там мало чем можно было поживиться, но не везде у грабителей хватало ума порыться. А я, видимо, оказалась грабительницей с мозгами, мдя... Словом, микроавтобус был затарен до упора, только нам с Толиком погрузиться – и осторожно, минуя проспекты, выруливать на трассу. Да и там должно быть опасно. Если в огромном городе творится полнейший беспредел, то что говорить за трассу, где любая одиночная машина – это верная пожива?

Впрочем, на окружную мы выскочили на редкость гладко. Только разок нам наперерез дернулся изрядно поюзанный «опель», но я, обозлившись, форсанула движок, при этом демонстративно добыла из-за пояса трофейный «макар» (а нехрен было к нам вчера в окно лезть, у нас для вооруженных гостей припасены незабываемые сюрпризы), и «опель» оперативно слинял с нашего курса. Повезло. Видимо, мы направились на не особо крутых. Тех, что с игрушечными ство-

лами наперевес берут на понт мирных тружеников. Увы. Я труженица, но отнюдь не мирная, а очень даже злобная.

Теперь – миновать Бабаевский лес, потом налево и в сторону границы (ага, чешем левое ухо правой ногой). Не знаю, как там насчет блокпостов и прочего, но буду я не я, если не найду тропинку. Дай Бог, чтобы рессоры этого старенького «мерина» выдержали, не на наши дороги они рассчитаны.

На вспышку первыми отреагировали кошки. Запертые в переносках, они нервничали, но сидели более-менее спокойно. И вдруг разом заметались, норовя упрятаться подальше. Затем в зеркале заднего обзора, над почерневшей вдруг стеной насаженного соснового леса я увидела... второе солнце. В тысячу раз ярче первого. Вернее, увидела-то я только мелкий краешек, но и этого хватило, чтобы зажмуриться. Все было ясно. Второй «подарочек» явился по наши души. Скорее на инстинктах, чем на рассудке, я сбросила скорость и постаралась съехать как можно глубже в кювет. Шанс один на десять миллионов...

– Леночка... – Толик не хуже меня знал, что сейчас будет.

– Да, любимый.

И все. Мы не смогли сказать больше ни слова. Сперва потому, что они нам и не требовались, все, что нужно, сжалось в три слова. А потом... Потом воздух стал стеной, и эта стена снесла «мерин» как пылинку...

Лорд Д'Арт

– Друг, вы скоро? А то я задолбался уже тут сидеть, – дозвонившись с тридцатого раза на телефон своего лучшего друга, с кем мы были «не разлей вода» еще со школы, я раздраженно выругался. Дело в том, что на дворе было довольно жарко, а ждать приходилось в автомобиле означенного товарища – в последние дни народ совсем взбесился. Грядущее вторжение, вполне однозначно приводящее к тому самому, Большому Северному Лису, срывало людям крыши и заставляло делать различные глупости. Вот и приходилось нам в магазин ездить только тройками – двое закупаются, один караулит машину.

Сегодня караулил я. Причем уже довольно долго – очереди в магазинах напоминали не виденное нами позднесоветское время, когда огромный хвост несколько раз оборачивался вокруг здания.

– Сейчас уже к выходу топаем. Мне только что батя звонил. В общем, это наш последний выход – так что закупались мы по полной, – голос старого товарища был полон напряжения.

Последний выход? Черт, видать все действительно хреново – батя у моего друга человек серьезный, многих больших личностей знает. Да и действительно – подзадержались мы в родном городе. Пора валить. Куда? Да есть одно местечко...

Вот уже почти полгода – с самого начала иранской заварушки – несколько семей строили на купленном в складчи-

ну подальше от стратегических объектов участке нечто вроде бункера, куда свозили продукты, патроны, солярку и прочие ресурсы – стандартные действия огромного количества «сюрвейеров». Черт, я даже в тир походил, хоть стрелять научился. Не фонтан, конечно – но что делать. Уж лучше так, чем никак.

Взвывшая невдалеке сигнализация прервала мысль – оглянувшись, я увидел, как несколько здоровенных типов, без всякого стеснения, посреди белого дня угоняют машину. Видать, очень уж им хочется хоть немножко покататься на BMW X6.

Сжав в руке «Осу» и выложив дополнительно еще парочку патронов, я взмолился, чтобы милиция не обратила на меня внимания – угоняемая машина была неподалеку, а от здания гипермаркета уже мчался патруль с автоматами наперевес.

Не то чтобы у меня было что-то незаконное. Так, фигня. Купленный дедом другого моего товарища дробовик. Полу-автоматический. С кучей, мать его, патронов. «Оружие последнего шанса», как сказал Батя. На случай, если «Осы», которыми была вооружена поголовно вся наша компания, уже не помогут.

Внимательно наблюдая за лицами милиционеров – а не бросят ли они на меня взгляд, я в то же время косил глазом на угонщиков – ибо те последнее время пошли вооруженные и вполне могли ответить. А оно мне надо?

Ядерного взрыва я не увидел – заметил блеснувшие нестерпимым светом стеклянные поверхности супермаркета и исказившую лицо сержанта с АКСУ гримасу – после чего пришла тьма.

Старый Империалист

В школе было много шума и беготни. Я сидел на подоконнике и курил. И даже завуч не делал мне замечания, впрочем, так как бегали взрослые люди, то завуч, наверное, тоже участвовал в гонках, и ему было не до замечаний. Занятий в школе не было, а была мобилизация. У меня в военном билете мобпредписания не было, но была совесть. Поэтому, прихватив старый рюкзак, собрав по старой памяти санитарию и подкупив консервов в магазине по дороге, я добровольцем заявился на мобилизационный пункт. Здесь меня не ждали, впрочем, не ждали никого. Бардак верхом на бардаке, и бардаком погоняет. Нормально. Только широко используя идиоматические выражения, и периодически рвякая на прапорщиков, я добился выдачи военной формы еще советского образца. Облачившись в китель ПШ и гордо затянув ремень, уселся на подоконник и закурил. Об оружии только ходили слухи, гарант и защитник, объявив мобилизацию, в последний момент решил поторговаться с обеими сторонами. Сугубо гражданский человек, он никак не мог понять, что мобилизация половинной не бывает, и то, что по тем, кто в середине, бьют со всех сторон.

Впрочем, сейчас меня больше волновало, куда же меня пристроят. Хотя и не сильно. Как говорили гордецы гусары: «Наше дело воевать и умирать! А когда и за что, господин полковник знает!» Так что мне, с тремя звездочками на погоне, не стоит беспокоиться о высокой политике, а стоит подумать о вещах прозаических. Об оружии, о еде – и о должности. Докурив, ткнул бычок в заботливо поставленную кем-то консервную банку, и пошел на поиски. Оружие я себе нашел. Мда-а, «Стечкин» с деревянной кобурой!! Хорошо, что оружие второй мировой наконец-то списали в конце девяностых, а то прикольно бы я выглядел с «Наганом». Потом я стал искать кого-нибудь старше себя по званию, но кто-то милосердный избавил меня от этой муки.

Свет был ослепителен настолько, что выглядел черным. Я не успел ни о чем подумать, как просто перестал быть. А потом вновь ощутил незнакомый влажный запах, ветерок, обдувающий голову, и травинку, коловшую меня в щеку.

Цинни

Думается мне, что ежели приключится армагеддон со всеми признаками рагнарека, то всем нам настанет полный рагнарек, в пасть его Фенриру... за исключением тараканов, крыс и чиновников от образования, заблаговременно занявших удобную экологическую нишу между первыми и последними.

Неудачная, скажете, шутка? Да какие тут шутки!

На днях, значит, собрали областное совещание директоров детских оздоровительных учреждений, накачали по самое не хочу рекомендациями и инструкциями – и отправили восвояси. Наш Иван Анатольевич вернулся весь такой глубокомысленный – и час спустя наш дружный коллектив в полном составе, от зама и зава до бабы Тани-технички, был собран в кабинете директора лагеря. В жаркой тесноте слова директора звучали как-то по-особенному весомо... и неубедительно. Когда он в десятый раз вернулся к мысли, что все будет хорошо (на лице явственно читалось: даже если все будет плохо), потому что так сказали в «области», умудренная жизненным опытом баба Таня не выдержала:

– А делать-то нам чего?

– Ничего, – ответил Иван Анатольевич. – То есть работать согласно утвержденному плану деятельности.

– Кому мы, нафиг, нужны?.. – вставил свои пять копеек наш боевой зам, любитель подискутировать на околополитические темы.

Но директор не дал ему разгуляться.

– А вы, Дмитрий Григорьевич, проверьте бомбоубежище... ну, как там чего. На следующем совещании доложите. Если чего надо, составим официальную бумагу, отправим в область. Короче, обычным порядком.

А завхозу поручили посчитать противогазы. Угу, и доложить.

Наступление армагеддона наш лагерь уже отрепетировал:

в первой половине девяностых его прикрыли (за ненадобностью), через десять лет открыли снова (потому как – приоритет). За десять лет лагерь превратился в живописные руины. Сколько-то средств в него вложили, сколько-то средств через него отмыли, потом торжественно открыли, показали в местных новостях, опубликовали фотки с открытия в местной газете. «Обычным порядком», – как любит говорить наш директор. Статья в полторы сотни слов наполовину состояла из славословия благодетелям нашим, двадцать раз в тексте встретилось словечко «новый», столько же раз «современный» (ну да, я считала), а один раз – даже «европейский». В сочетании с «уровень», как несложно догадаться. Но из «евро» у нас были только всякие евродоски-еврорейки, использованные в облицовке по-азиатски практично (чтобы прорабу хватило ванную и санузел в квартире облицевать), ну и болты в директорской мебели. В нашем директоре сто двадцать кило, евростулу быстро настал простой азиатский каюк, и штатный плотник говорил много-много плохих слов, запоздало выяснив, что эта (пи-и-и...) – под шестигранник (пип-пип-пип). Под окном, заслушавшись, застыли младшие воспитанники. У старших-то лексикон побогаче, чем у нашего плотника – плотник только телек смотрит, а эти в Сети ориентируются лучше, чем в родном лагере. Ну да не о том речь. Половину из того, что мертвым грузом висело на балансе, вызывая у завхоза приступы агрессии, составили пособия, игрушки и прочие вещи, списанные в других обра-

зовательных учреждениях. По пути к нам они обрели астрономическую остаточную стоимость и стали вполне реальной материальной ценностью. Были среди прочего барахла и противогазы, помнившие еще учения по гражданской обороне времен Леонида Ильича. Эти вот противогазы и отправился инспектировать наш завхоз. А замдиректора, потребовав у завхоза рабочий халат, со вздохами полез в бомбоубежище.

– Винни – в гости к Кролику, – незамедлительно прокомментировала Лелька, моя коллега-воспитательница. – Ну что, Лесь, мы-то куда теперь?

– Не знаю, куда ты, а я к своим архаровцам, проводить эту... как ее?... интеллектуальную игру. Согласно утвержденному плану деятельности.

Интересно, директор хотя бы раз прочитал то, что он утверждает? Как мы планы-то пишем – левой пяткой. Вчера была спортивная игра, значит, сегодня – интеллектуальная, а завтра – какая-нибудь творческая. У малышей план кое-как выполняется, что же до моих подростков – дохлый номер. У них на уме амуры-гламуры, их устремление – потусоваться и нализаться. Последнее – не дай Бог; вроде бы пока благополучно избегаю, памятуя, что ЧП приходит, когда не ждешь.

Кое-как расселись.

То-то и оно, что кое-как. Смирнов опять на Машке виснет, а у нее и губки сердечком сложились. Надо будет с ней поговорить тет-а-тет. Со Смирновым уже пыталась – глухо...

В дальнем уголке девчонки примагнитились к глянцевому журналу, веселые картинки разглядывают, ага. Квасов дремлет, уткнувшись носом в стол, Ермилов качается на стуле.

– Ермилов, не ломай мебель, она пережила и перестройку, и реформы, и просто мечтает дожить до радостных дней!

– О, Елена Валерьевна, а у вас юбка новая, да? Дайте адресок сэконд-хэнда, – не остается в долгу Ермилов. Девчонки поднимают глаза от журнала, хихикают. В коллективе, как всегда, царит атмосфера дружелюбия и взаимопонимания.

– Ну что, господа, сообщаю вам пренеприятнейшее известие... то есть – наимприятнейшее: у нас с вами игра. Интеллектуальная. С призами.

– Опять ва-афли? – дремотно тянет Квасов.

– Нет, дорогой, на этот раз петушки на палочке.

Привычно переживаю гогот, с тоской вспоминая, что во времена моего детства... ну, не ассоциировалось.

– Итак, разделимся на команды. Точнее, я разделю, в целях недопущения анархии. Девочки, берете к себе Ермилова.

– Не-ет, мы Ермилова не хотим!

– Не обсуждается. Все остальные – команда номер два. Вопросы задаю командам попеременно. К каждому вопросу – три подсказки. С каждой подсказкой количество баллов, которые вы можете получить за правильный ответ, уменьшается.

– Хоть да обеда-то закончим? – Квасов вздыхает.

– Если ты проснешься и продемонстрируешь мощь своего интеллекта. Начали. Вопрос команде номер один – простенький, для разогрева: кто из богатырей победил Соловья-Разбойника?

– Стоп-стоп-стоп! Я знаю! – кричит Ермилов. – Я мультик смотрел, прикольный такой, там этот чувак еще на слоне ездил!

– Какой чувак, Сережа?

– Ну, этот, богатырь!

Краем глаза замечаю на подоконнике голубя. Белый... кажется, породистый. Вторая мысль – только бы в комнату не залетел, такое начнется!..

Дядя Саша

– Сергеич!

Громкий голос из-за окна враз вырвал меня из сладкого сна. Мысленно обматерив кричавшего, я приподнялся с кровати и кое-как доковылял до окна.

– Ну? Чего тебе?

– Давай собирайся! Машина пришла!

– И что? Это повод для радости? Только я, понимаешь, задремал, так уже и будить надо? Мало ли этих машин тут ходит, что каждую встречать теперь необходимо?

– Ну что ты такой сердитый? – Андрей укоризненно покачал головой. – Мину в городе нашли, кто-то к зданию УВД чемодан подбросил. Говорят – мина там. Вот тебя и вызвали.

– Другого времени не нашли, чтобы мины подбрасывать? Засунуть бы ее им в...

– Эт точно! Вот и займись!

– Ага, как снимать – так это я. А вот как засовывать, так тут от желающих не протолкнешься... Вечно вы самое вкусное себе оставляете. Ладно, сейчас иду.

Продолжая ворчать, я быстро зашнуровал на ногах «Маттерхорны», надел разгрузку, пояс с пистолетами. Прихватил из шкафа «ВСС». Задумчиво посмотрел на кейс с боезапасом к винтовке. Тащить – не тащить? А, хрена ли тут думать, не на горбу же! Я снова дотопал до окна. Андрей сидел на лавочке и курил.

– Бросай свою коптильню и топай сюда!

– За каким хреном?

– Кейс с патронами возьмешь.

– Ну хоть до двери-то донеси, а? Я уж во дворе тебе и помогу, хорошо?

– Вот черт ленивый! Ладно, отольются вам мои слезки...

Злорадно хмыкнув, я вместе с кейсом прихватил еще и ящик с теми же патронами, пускай теперь все это волокет! За спину повесил футляр с «блесной», став сразу похожим на вокзального носильщика. Ладно, вниз по лестнице спущусь, а дальше уже не моя забота.

Спустившись по лестнице, в сердцах пнул дверь со всей силы...

Сергей (Дог)

Частая дробь стружки фрезера сменилась противным зуммером бесперебойника. Опять погас свет. В районе пошаливают. И откуда только таких ловких взялось... Беру телефон, звоню в электросбыт – их ли это деяния? Черт, не отвечают. Значит, одно из двух. Или это выключили электрики, или.... Или народец тырит провода. А если провода уйдут, по времени нынешнему, восстановят их после войны, которая, кажется, собирается, иль как кризис закончится. Ну, или как мы новые купим, что вернее. Потому хоть линия не наша, беречь ее будем мы.

Хватит беллетристики, снимаю фартук, очки и, щелкая автоматами электрощитка, поднимаюсь в дом. Придется ехать. Ну что ж, поеду. Так, домашне-рабочие штаны долой, галифе, тренькнули шпорами сапоги, теперь сбрую, в основном для устрашения, но если что, и не только. Придерживая ножны, немного задумался перед неприметной полкой с оружием. Супруге тут и помпы достаточно, «сайгу» возьму себе. Там много народа может быть. А вот на то есть в бывшем АК на месте все детали, и пара бубнов в сумке. Нарушение, конечно, но где та милиция, а где супостаты?

Чмокнув жену в щечку и проверив, как работает рация, выхожу во двор. Так, где эта лошадь? Ору во всю глотку: – «Болгария!!! Иди сюда, прелесть моя...». Хм, действительно прелесть. Даже залюбовался. Вон она несется, увидев, что на нее смотрят, высоко взбрыкивая и швыряя выше головы

комья земли. Вороная англобуденовка, от которой и конно-гвардеец не отказался бы. Блин, фокусница, еле успел увернуться от фонтана земли. Игрунья, как обычно, за два метра с галопа тормозит всеми четырьмя. Ладно, хоть догадывается на мягком. Но все равно отряхивайся потом.

Работать тебе придется. Смахиваю щеткой пыль и опилки, вальтрап... Ой! Я же со вчерашнего выюк не разобрал. А, пусть его, съезжу с полным выюком, отстегивать некогда. Подпруги, подперсье... Ага, помню, оголовье забыл. Ну, а мы и так можем. Так, скажи «ааа». Звякнув мундштуком, оголовье встает на место. Да, знаю, ездить в колхозе на мундштуке – пижонство. А кто сказал, что мы не пижоны и не стилиаги?

К делу. Опускаю левое стремя. Ну, вы, может, и вспрыгнете на эту гору, сто восемьдесят два сантиметра в холке. Выше меня, кстати. А мы по-стариковски. Так, в седле, стремя на место, штаны вроде без складок, все в порядке. Поехали. Шенкель привычно чуть сдавил бока. Кобыла пошла со двора широким шагом, схватив на пути яблоко.

Так, вот линия, пошли-ка рысью, а то к шапочному разбору приедем. Не надо сильно на дорогу лезть, люди всякие быть могут, поэтому – по кустикам, вдоль линии. Это что за... Рука вперед мыслей направляет в кювет, заворот головы и шпора роняют кобылу в овраг. Лежи, девочка, лежи, кладу руку на голову, не давая подняться. Стало светло сквозь закрытые веки...

Всеслав

Я вылез из автобуса и пошел на рыбалку. Так, покидать спиннинг, написать кое-что, отдохнуть от окружающих. Ибо достали. Инет в транс, англоязычные сервера наполовину отрублены, родной сайт объявлен фашистским. Все одно к одному. И работы толком нету. Какие на фиг компьютеры ломаные и скотина полудохлая, когда вот-вот сломается вообще все?

До реки было недалеко – километра полтора. Устье Большого Зангинсана. Порог, скала, хариус. Благодать. В городах оно, конечно, паника – все тупо затариваются чем попало и линяют в туман. А смысл? Все равно случись что – выживанию лишний килограмм гречки поможет мало. Шибанет так, что дешевле сразу застрелиться. Если партизанить – так, слава Богу, кой-какие заначки есть. И сейчас вот – с виду обычная тулка шестнадцатого калибра с собой, а в рюкзаке вкладыш на 7,62 и три патрона. Больше все равно в этом месте не выстрелишь, а потом и на трофейное перейти можно...

В кармане зазвонил телефон.

– Да, алло, Смольный на проводе. Слушаю, дед. Да, понял, утром буду. Не волнуйся.

И тут ГРЯНУЛО...

– *Русский не умирает*

– *Он кончается*

- Заканчивается, как роман о любви
- Вот они еще танцуют
- На террасе отеля
- Но ты понимаешь
- Осталось три страницы
- И все.
- Русский не умирает
- Он подходит к концу
- Как боеприпасы
- У защитников форта
- Кто-то говорит слово все
- Достаются финки
- И все.
- Русский не умирает
- Он просто выходит
- Из дома
- Окопа
- Из тела
- И растворяется.
- Все-таки лучшие, если в метели.

(стихи Юрия Смирнова aka begle)

Глава 1

*Все мы дети окопных баллад партизанской
страны*

*Дети мгlistых широт, горький северный
эксперимент*

*Мы учились любить по учебникам прошлой
войны*

*И на западном фронте по-прежнему без перемен
В полночь ливень блицкригом сминает полки
тополей*

*Слышишь, осень нажала на кнопку звонка у
двери?*

*Мы остались одни на огромной холодной Земле
Значит – все, теперь можно...
Д. Корогодов*

29 октября 1790 года

Северная Америка, Калифорния

форт «В вихре времен»

Из дневника Сергея Акимова

Когда-нибудь я, наверное, подробно расскажу о днях, предшествующих Большому Песцу. Хотя кому, кроме меня самого, будет интересно читать о том беспросветном чувстве надвигающейся беды, которой ты не способен ничего противопоставить? Да и лишний раз бередить все еще не зажившие раны не очень хочется. В самом начале после переноса

здорово помогала необходимость что-то делать, выживать, да и практически новое тело справлялось с приступами тоски и меланхолии собственными средствами. И только вот сегодня, когда мы преодолели очередной этап в своей эпопее выживания, что-то подсказывает мне – пусть эти записки прочтут нескоро и, скорее всего, лишь очень немногие, решение описать первые дни нашего пребывания в этом времени вполне оправдано. Пусть моих будущих читателей не удивляет форма повествования, слишком много событий на берегу бухты Хорсшу 15 мая 1790 года происходило почти одновременно в разных местах. Поэтому я буду вставлять в свой дневник не только личные воспоминания, но и эпизоды, рассказанные моими товарищами. Тем более, что они достаточно красноречиво описали последний день цивилизации-2010, и сам момент прибытия в прошлое для многих из них обернулся драматичнее, чем для меня. Судьба в очередной раз решила показать свой изменчивый нрав, и нас забросило в 1790 сразу троих в одно место. Несколько минут растерянности и не самое удачное приземление в колючий кустарник не идут ни в какое сравнение с теми переживаниями, которые достались на долю многих других попавших.

Выписка из штабных документов начальника штаба форта ВВВ

Список личного состава.

1. Александр Конторович ака Дядя Саша, майор запаса, снайпер, СпН, криминалист, топограф, чертежник-конструктор

2. Александр Кулькин ака Старый Империалист, ст. лейтенант запаса, инженер-экономист

3. Сергей Акимов ака Кобра, майор запаса, инженер-технолог молочной промышленности

4. Артем Рыбаков ака Артоф, сержант погранвойск, инженер-химик, кузнец, рукопашник

5. Елена Спесивцева, химик-неорганик, кузнец, интриганка (в хорошем смысле слова)

6. Анатолий Спесивцев, дипломат, бухгалтер, изучал военную историю XVII–XVIII веков

7. Константин ака Рысенок, юрист, охотник, выживальщик

8. Александр Ершов ака Зубрилка, сержант м/п, сварщик, слесарь, торговаля

9. Сергей ака Клим, боевой пловец ТОФ, электромеханик

10. Константин Валерьевич Мысловский ака Котозавр, ст. прапорщик ПВ ФСБ, сапер, снайпер

11. Андрей Сердаров ака Курбаши, он же Белый Бык, майор ПС ФСБ, ветеран Афгана

12. Ирина ака Чердак¹³, озеленитель, работа с глиной, стеклом, выращивание растений, рисование

13. Екатерина Чердаклиева ака Катя, навыки электрика, умеет бренчать на пианино и немного на гитаре, неплохо готовит, самую чуточку рисует, любит домашних животных

14. Вадим Артурович Мельников aka Спасск, инженер-ремонтник ЖД

15. Сергей aka Змей, егерь, геолог, инструктор-собаковод

16. Анатолий Логинов, электрик, связист, двигателист

17. Кямиль aka Шоно, лейтенант медицинской службы, специализация челюстно-лицевая хирургия

18. Сергей aka Сет Север, экономист, практическое сельское хозяйство, астрономия

19. Николай aka НикТо, лейтенант запаса, артиллерист, моряк, химик

20. Александр aka Зануда, по образованию физик, долгий практический навык столярной и плотницкой работ

21. Евгений aka Динго, инженер-физик, столяр, механик-ремонтник

22. Быстроногая Антилопа aka Лопа, все навыки североамериканской индианки

23. Серебренников Евгений Михайлович aka Всеслав, лейтенант РБХЗ запаса, биолог-консультант, казак

24. Сергей aka Дог, специалист по коневодству

25. Сергей aka Лорд д'Арт, инженер-конструктор, экономист

26. Марина aka Котенок, СпН

27. Елена aka Цинни, учитель, переводчик, идеологическая работа

28. Гибкая Ива aka Кэй, все навыки

15 мая 1790 года

Ирина

Внезапно стало очень жарко, в окна столовой ярко полыхнул свет, мигнуло и... в следующее мгновение я обнаружила себя сидящей все за тем же столовским столиком, намертво спаянным с четырьмя стульями вокруг него системой труб – но уже не в столовой, а на каком-то пустынном песчаном пляже! И странно как-то смотрелся на этом фоне комплексный обед на столе, исходящий умопомрачительными ароматами и лежащий отдельно на одном из стульев большой пакет с овощами-фруктами и прочими съедобностями, купленными Ириной специально к папиному юбилею...

Ошалев от увиденного вокруг себя, попыталась было встать – но тут же уселась обратно. Одежда, надетая ею этим утром, висела мешком. Да и вообще я вся стала какой-то более мелкой, что ли... Не доверяя своим глазам, зажмурилась и с силой ущипнула себя за руку. – Ай!

Боль в руке и звук собственного голоса красноречиво доказывали, что все вокруг – не сон, не бред, а самая что ни на есть реальность! И что я действительно оказалась внезапно неведомо где – как в самом завиральном фантастическом романе из всех читанных.

Усиленно покрутилась на сиденье – никого и ничего вокруг, что говорило бы о наличии цивилизации поблизости. «Надо бы осмотреться получше, – пришла в голову трезвая

мысль. – Только вот сперва надо что-то сделать с одеждой... Вроде бы у меня в рюкзаке были веревочки для подвязки кустов. Используем!»

Сказано – сделано. Полезла в свой рюкзачок – там, на самом дне, действительно валялся клубочек, смотанный из веревочек разной длины. Немножко фантазии – и через несколько минут сиреневая футболка с разноцветным дракончиком из блесток спереди была прихвачена веревочками на плечах во что-то похожее на «букетики», а подвернутые несколько раз штанины держались на своеобразном «ремешке», сплетенном из нескольких веревочек сразу...

Теперь – оглядеться! Вон там, сбоку, вроде бы виднеется группа деревьев – сбегает и посмотрим, что там есть... Может быть, даже удастся залезть и оглядеться. Но сперва немножко поедим. Быстренько съела то, что было на тарелках, и даже выхлебала половину борща из горшочка, оставив вторую «на ужин».

«Экспедиция» к деревьям чуть не оборвалась, едва успев начаться – заметила приближающихся людей. На первых порах лучше понаблюдать за ними из укрытия!.. Цапнув свой рюкзак и пакет с покупками, прижимая к себе горшок с борщом, Иришка пробежалась до группы каких-то деревьев.

НикТо

Несколько следующих секунд я провел на спине, съезжая по песчаному обрыву куда-то вниз. Наконец движение пре-

кратилось, и перед моим изумленным взглядом раскинулась синева морского простора.

«Такого не может быть, потому что не может быть никогда!!»

Нет, в принципе, с самого раннего детства, как только научился читать, я мечтал о приключениях, о том, чтобы попасть в какой-нибудь интересный исторический момент и как-то совершить что-то необыкновенное. Такие мечты под влиянием гормонов и растущего организма меняли направленность. Поначалу после этого героического было – «все девки мои, а особенно вон та...», а затем такие книги и их обсуждения были хорошим способом для того, чтобы отдохнуть душой от окружающего «россиянства». Но, будучи довольно здравомыслящим человеком, я понимал, что в реальности шанс такому случиться очень мал, а уж именно со мной – величина практически отрицательная.

Но раскинувшийся передо мной морской пейзаж был настолько реален, что сомнений в своем попаданстве не осталось. «Ну, а если это глюк сознания в последние мгновения перед тем, как я испаряюсь в огне ядерного взрыва, то надо насладиться им по полной». С такими мыслями я подошел к лежащему неподалеку рюкзаку, подобрал выпавшую из рук бутылку с квасом («вот у меня и фляжка будет»). Забираться на немаленький песчаный холм, с которого только что скатился, пришлось недолго, хотя было чертовски неудобно из-за набивающегося в обувь песка. Но открывшаяся картина

того стоила. Справа от него, на расстоянии около километра волны грызли застрявшее в камнях судно. Хоть моряком я и не был, но все ж таки понял, что это далеко не «Крузенштерн». Оно было небольшим и очень старым. Точнее, не так. Оно было старинным. Больше всего на тот момент в этом меня убедили тяжело обвисшие желтовато-серые, в потеках и грубо зашитых прорехах, простыни парусов. На палубе никого не было видно, но, несмотря на это судно («раз такое маленькое, да и мачты без рей, то буду называть его шхуной») еще не было разбитым волнами в хлам. Я перевел взгляд на берег. Стоящий прямо напротив «шхуны» яркий столик из тех, что обычно бывают в придорожных кафе, заставил меня усомниться в мелькнувшей при виде старинного судна мысли о попадании в прошлое. Тем более что рядом со столиком виднелись несколько фигур в камуфляже и современных одеждах. На всякий случай присел за куст, росший на вершине холма и, продолжая рассматривать привлекающую мое внимание компанию, расстегнул рюкзак.

«Вот это повезло так повезло. Ноутбука у меня нет, а вот ножи, которые прихватил из дома, тут мне офигенно пригодятся». Ножны с небольшим «витязем» повесил на ремень и прикрыл полый кителя, а одну из метательных пластин вместе с ножнами, закрепив их на левой руке, спрятал под рукав. Понаблюдав еще несколько минут, я разглядел, что камуфляж на мужчинах российский, а за столиком расположилась молодая девушка.

– Ну что ж, все равно знакомиться надо будет, так чего тянуть-то?!

С этими словами закинул рюкзак на плечи и неспешным шагом двинулся по направлению к «потерпевшим кораблекрушение»...

А этот парень с «ксюхой» и в старой солдатской панаме меня не заметил, проходя мимо. Правда, и сам я его увидел случайно. Надумал маленько у кустика постоять, а тот в нескольких метрах в стороне как лось проломился. Что интересно – в сторону той же шхуны и белого столика. «Ну что ж, значит, и мне туда дорога. Только надо не напугать мужика, а то шарахнет по кустам и поминай, как звали. Хотя это возможно и выход – глядишь, опять куда-нибудь перенесет». Стараясь не шуметь, двинулся вслед за автоматчиком. Появившаяся спустя пару минут с другой стороны поляны парочка – мужик в камуфляже, рядом с которым неспешно вышагивала здоровенная черная псина, меня уже почти не удивили.

Я молча двинулся к столику, на котором стояла пара тарелок с нетронутой и вкусно пахнущей едой. Поставил на стол початую полторашку с квасом, распустил завязки рюкзака и, покопавшись в нем, выставил на стол одну из емкостей со спиртом, а потом и буквально навязанную мне заботливой тещей железную кружку. Повернувшись, к удивленно наблюдавшим людям, крикнул:

– Привет, мужики! Хлеб у кого есть? А то я не захватил.

Клим

Есть ли жизнь после смерти? Похоже, теперь я знаю ответ на этот вопрос. По крайней мере, в своем случае. Ведь вероятность выживания в эпицентре атомного фейерверка гораздо ниже нуля. А я явно жив, об этом усиленно напоминает боль в левом боку. Ладно, посмотрим, куда меня занесло. Темновато только. Похлопал по рукам и ногам, все носимое имущество на месте – пистолет СПП-1М, выстрелы к нему, два ножа, фонарик, фальшфейеры, навигатор. Фонарик сейчас и нужен. Да будет свет!

Какой-то склад, бочки, мешки, куча досок у стенки сложено. А сама стенка уж очень мне что-то напоминает. Хм, да ведь это корабельный трюм! Все чудесатей становится. Попробовать поорать? Или лучше самому поискать выход? На вопли никто не отзывается, значит, второй вариант. Тьфу, чуть не грохнулся. Посветил под ноги. Ага, моя дежурная сумочка. А к ней пристегнуты ласты с маской и трубкой. Сумку на плечо и дальше в путь.

Вот и трюмный люк. Сейчас подтащим ближайшую бочку и осчастливим владельцев этого лайнера своим появлением. Надо будет не забыть сказать им спасибо за открытую крышку люка. Поднимаюсь на палубу. Странное суденышко. Какое-то антикварное. На палубе бардак. Кроме плеска волн, скрипа рангоута и воплей чаек никаких звуков. Прошелся по этому транспортному средству. Никого. Глянул за борт, по-

хоже, искать здесь кого-то бесполезно. Судно сидит аккурат между скал, экипаж просто смылся, спасая свои шкуры. До берега чуть побольше ста метров, вот там скорей всего они и торчат. Сейчас достанем из сумочки бинокль и рассмотрим все повнимательней.

Так, что мы имеем? А имеем мы скалистый берег, со- ваться туда без нужды будет только псих. А вот чуть левее небольшой пляж, там и шлюпка перевернутая лежит. Рас-смотрим пляж.

Оба-на! От открывшегося зрелища чуть не выронил би-нокль. Уж больно дико смотрелся стоящий посреди пляжа стол с какой-то посудой на нем. Хотя, по крайней мере, один человек там точно есть. А нет. Вон еще нарисовались. Во-оруженные. Морды вроде русские. Ладно, сплаваем, посмот-рим, кто такие. Только для начала надо какую-нибудь верев-ку подлинней найти.

Интересно, где местный боцман свое имущество хранил? В носовом трюме точно ничего подходящего нет, поэтому пойдем искать кормовой. А жарковато в костюмчике ста-новится. Хорошо еще, что он из триламината поклеен, в неопреновом давно бы уже дым из ушей валил. Надо бу-дет какую-нибудь одежду поискать. Посмотрел скептически вниз. И про обувь не забыть, в китайских резиновых тапоч-ках по берегу не побегаешь. Вот и люк кормового трюма. И тут замка нет. Ну и бардак же тут на борту творился! Хотя здесь, в отличие от носового трюма, даже деревянный трап

есть.

А вот это я удачно зашел. Искомые веревочки аккуратно сложены вдоль борта. Два десятка бухт канатов различной толщины. Ну да, это ж парусник, веревок много надо. Выкинул наверх четыре бухты, надеюсь, хватит. А то ведь тяжелые, заразы. Натуральная пенька. Интересно, на этой барже зеленые ходили что ли? Нигде ни синтетики, ни пластика не видно. Пойдем, посмотрим дальше, что тут есть интересного. Бочки дубовые, подписанные, по-английски, однако... «Gunpowder» – оружейный порох. Интересно. На палубе четыре древние пушчонки стоят. А тут порох. Надо будет поближе рассмотреть их. Если у владельцев этой посудыны хватило дурости построить точную копию старого парусника, вполне вероятно, что и пушки не игрушечные. Явно психи. Мои друзья с подобными увлечениями свои копии старых кораблей хоть из современных материалов делали.

Дальнейшие находки были в том же стиле. Вскрыл один из ящичков возле левого борта, а там древние мушкеты. И если я хоть что-то понимаю в оружии, явно настоящие. Блин, какой-то музей плавучий. Последней каплей стала открытая бочка с чем-то съедобным. Пошевелив мозгами, пришел к выводу, что это называется солонина. Да уж. Вопросов накопилось, еще бы у кого ответы получить. Надо на берег плыть.

Когда, связав канаты в одно целое и выкинув за борт найденный штормтрап, начал перелезать за борт, в голову постучалась мысль. Да, совсем старый стал. Даже каюты не осмот-

рел. А ведь в той же капитанской каюте можно найти некоторые ответы. Да и про одежду совсем забыл.

Охренеть! В первой же каюте на полу валялось зеркальце. Подобрал, а в зеркале!!! Ну и рожа. Минут десять пытался понять, кого я в зеркале увидел. Потом дошло. Это же я, только лет двадцать назад. Вот дела. Прислушался к организму, вроде все в порядке. Поприседал, хм, и колено не скрипит. Весело. Вопрос только в том, кому и сколько за это чудо платить придется.

В той же каюте в шкафчике нашел бутылку. Судя по запаху, что-то алкогольное. Вмазать, что ли? Сделал глоток и закашлялся. Какая-то самогонка из опилок. Только один плюс, от этого мерзкого вкуса лишние вопросы из башки убежали. Хватит думать о глобальном, надо найти капитанскую каюту, может, какие-нибудь бумаги или судовой журнал в наличии. А потом на берег. По крайней мере, у тех парней на берегу оружие современное было.

Тут явно не там. Капитанской каюты нету, по крайней мере, в этой части кораблика. Скорей это помещения для экипажа и каюты для местных туристов. А я идиот, с большой буквы. Двигателя нет, а значит самая комфортная часть корабля – корма. Пойдем, посмотрим там. Добрался до кормовой надстройки – а неплохо тут капитан устроился. Шикарные апартаменты. Все стенки задрапированы какой-то тканью приятного салатного цвета, массивный стол у кормовых иллюминаторов, пара больших мягких кресел. На левой

стенке гобелен с двумя рыцарями, занимающимися мордобоем. Под гобеленом огромный сундук. Красивый сундук, вот только запертый. Ладно, пока ломать ничего не будем. На другой стороне каюты есть и более интересные вещи. Надо полагать, местный вариант штурманского столика. Точно, вот и карта.

Да уж! Карту тоже из какого-то музея сперли. Не хватает только рисунков и надписей в стиле «Здесь водятся драконы». Над столиком полка с десятком тубусов. Наугад открыл один, тоже карты, и в таком же схематичном стиле. Со следующим тубусом история повторилась. Убрал обратно вскрытые тубусы. На закрепленной на столе карте есть несколько отметок, еще бы понять, к чему они относятся. Хотя, кое-что стало известно. Судя по рисунку береговой черты, это явно не Приморье. Но что-то знакомое. Очень знакомое, если прочитать все надписи на карте. И в результате получается следующее. Занесло меня в Америку, в Северную Америку, если быть точным. Где то в районе Калифорнии. Еще веселей жить стало.

Еще раз обозвал себя идиотом. Затем достал из кармана навигатор. Посмотрим, что это чудо враждебной техники скажет. Чудо оповестило о своей готовности работать и принялось искать спутники. Пусть ищет, а я пока капитанский стол осматриваю.

Пару минут потратил на изучение резной шкатулки, прикрепленной к крышке стола. Оказался набор для письма. Кру-

то! Чернильница, маленький ножик, отделение для мелкого песка и перья. Гусиные!!! Хрен с ними, займемся ящиками. И здесь закрыто. Ломать или искать ключи? Сломать всегда успеем, а значит, продолжаем осмотр. Интересно, а где владелец этих самых ключей спал. Не на кресле же, да и сундук на роль лежбища плохо подходит. Внимательно пригляделся к стенам. Ага, вон там грязное пятно. Точно, еще одно отделение каюты, кровать, а в изголовье на гвоздике висит связка ключей разного калибра. А что у нас под кроватью? Еще один сундучок.

Тут запищал навигатор. Ну и что ты хочешь мне сказать? Спутников нет? Вспомнил зрелище атомного гриба над Золотым Рогом. Так что есть вероятность, что и спутникам пришла хана. На всякий случай запустил тест-проверку. Устроился в капитанском кресле, поставив маленький сундучок перед собой. Нужный ключ попался с первой попытки. Так, куча бумаги, некоторые листы даже с печатями. Все на английском. Под бумагами несколько мешочков. Офигеть, золотые монеты! Правда, только в одном мешочке. В двух серебро, еще в одном медные монетки. В последнем большое жемчужное ожерелье довольно неплохого качества. Сложил все обратно, толку от всего этого пока нет.

Повозившись с ключами, открыл один из ящиков под капитанским столом. Моей добычей стала толстая книга в кожаном переплете. Ага, судовой журнал. Быстро пролистал до последних записей. Не знаю, сколько я просидел, уставив-

шись на эту запись. Может – минуту, может, гораздо больше. Да и было с чего впасть в ступор. Четырнадцатое мая 1790 года. Именно эта дата стояла перед последней записью в судовом журнале. Очухался от противного писка навигатора. Перелистнул несколько листов журнала, в датах отличаются только дни, год тот же. Вот я попал! Стоп, у людей на берегу было явно оружие не восемнадцатого века. Похоже, коллеги по несчастью. Или наоборот, те, кому очень повезло. У любой палки есть два конца.

Черт, у этого капитана почерк, как у той курицы. С читками придется обождать. Навигатор, устав пищать, обиженно хрюкнул и затих. Посмотрел данные теста, все нормально. Проверил компас, альтиметр – все работает, за исключением джиписки. Посмотрел на штурманский столик. Калифорния, говорите? Ладно, где моя сумка? Высыпал все ее содержимое на стол. Нашел пакет с картами памяти. Так, вот и нужная. Сейчас поменяем карточки в навигаторе, хоть приличная карта акватории будет. Хотя сначала надо к местности привязаться.

Сложил все вещи обратно в сумку, добавив к ним судовой журнал. Продолжим обыск капитанского стола, там ведь еще два ящичка есть. Еще одна толстая книга, деревянная коробка, и пара запечатанных бумажных пакетов. На обоих пакетах надписи на незнакомом языке, их в сторону. А вот название книги очень знакомое. Навигационный альманах. Отлично, кажется, даже догадываюсь, что в деревянной ко-

робке. Угадал. В коробке секстант. Отличная находка. Альманах и секстант в сумке, карту со штурманского столика туда же.

Осталось осмотреть большой сундук. Кладнул замок. Сверху лежит пара кремневых пистолетов пушечного калибра. Явно подарочные, если судить по отделке. А вот и одежда. Померить сразу? Уже взявшись за клапан гидрокостюма, опять выругался. Примерку придется отложить. И первое, что придется придумать – какой-нибудь насос для поддува костюмчика. Чем технологичней вещь, тем больше проблем в ее обслуживании. Все, хватит, пора на берег.

Оказавшись в воде, сделал круг почета вокруг шхуны. Удачно они сюда вылетели! Повезло. Шхуне повезло, насчет экипажа не знаю. Но, несмотря на это везение, надо стаскивать корыто на чистую воду. Сейчас она сидит на скальном выступе, и, судя по положению корпуса, морячки пытались в последний момент обогнуть вон тот здоровый камешек. Но не хватило скорости и, пройдясь по нему бортом, шхуна развернулась градусов на тридцать, залезла на площадку и окончательно затормозила, ткнувшись носом в гребень скалы. Да, если бы у кораблика хватило сил перевалить через этот гребень, то при отливе он лег бы на борт и превратился в хлам при первом же приливе. А так крен всего градусов пятнадцать на правый борт, дальше свалиться не дает еще один выступ скалы, с левого борта шхуну поддерживает целая россыпь крупных булыжников. Если их разобрать....

Мечты, мечты. Тут кран нужен, либо взрывчатка. Крана нет, а гидроудара после взрыва может не пережить деревянный корпус.

Еще несколько раз нырнув, прикинул угол скоса гранитного основания. Ну что ж, шанс есть, и очень неплохой. Нужны люди, разгрузить носовой трюм, частично разгрузить кормовой, пушки можно и в воду. Жаль, конечно, но придется их утопить, потом подыдем, возможно. Ага, вон в ту щель запихаем один из якорей и используем кабестан для протяжки. Второй якорь можно в ту расщелину закинуть, все равно он нужен только для оттяжки, чтоб шхуна поползла в нужном направлении. Еще раз осмотрел днище судна. Нормально, пока держится. Единственно – перо руля сколото, придется новое строгать.

Привязав конец каната к поясу, оглядел пляж в бинокль. Кажется, народу там прибавилось. Пока добрался до песчаной отмели, перебрал свой запас матов раз пять. Чертова пенька. Такое чувство, как будто всю шхуну буксирую. Надо постараться выйти на берег незамеченным, а то с этой веревкой я как черепаха на привязи.

Угу, вышел незамеченным. Как же. Не, народ-то не заметил, а вот собачка углядела. Да не просто собачка, алабай азиатский. Встречался я с такими в далеком детстве. Так что лучше постоять и подождать пока люди на меня внимание обратят.

Дядя Саша

М-м-да... Если это двор отряда, то я – Папа Римский... Нет, море-то присутствовало, но вот было оно каким-то ненашенским. Да и небо вдруг как-то посерело, солнце скрылось за тучами. Обернувшись, я не обнаружил также и самого здания отряда. Двухэтажное строение испарилось в мгновение ока. Я стоял посередине пустынного пляжа, озираясь по сторонам. Кусты, лес вдали. А где все? А сам я где? Что это за место?

Бросив на землю патронный ящик, я положил рядом «блесну» и прочий полезный хабар. Уселся на ящик и вытащил GPS.

Так.

Включение, поиск спутников... нету... ни одного. Дорогуша прибабасина враз стала бесполезной игрушкой. И куда меня черти занесли? Так что – даже спутников тут нет?

Кстати, о чертях. Перекинув на грудь «ВСС», я загнал патрон в патронник. Проверил оба пистолета, поставил на предохранитель. Надо осмотреться, что ли? Чего тут в округе есть, и кто тут вокруг гуляет?

GPS не пашет, какой ориентир выберем? А вот он – рядышком. Море. Его отсюда не спереть, от него и оттолкнемся. Обозрев в оптику побережье, я удовлетворенно хмыкнул. Есть еще один ориентир. Мачты. И совсем недалеко. Раз есть мачты, то и корабль к ним прилагается. А где корабль, там и люди. Значит, надобно с ними потолковать. И выяснить –

где это я нахожусь. Тогда и ясно будет, что дальше делать. Надеюсь, люди тут не слишком суровые и нормальный язык понимают.

Вскочив на ноги... Именно что вскочив... Вот вскакивать-то я как раз и не собирался. Собрался не торопясь встать, потянуться... А вот тебе нате – вскочил! Это откуда столько силы взялось-то? Кстати... Форма что-то обвисла, да и поясной ремень подтянуть надо, а то брюки, как у рэпера, на задницу сползли.

Пяток минут ушел на подгонку снаряжения. Хм, а лишний вес я сбросил! Вместо привычных девяносто килограмм, на первый взгляд было кил семьдесят с хвостиком. Прямо как в далекую молодость! Знать бы, как это вышло, так можно бизнес по похудению открывать. Ага, ты еще выясни – куда попал, одернул я себя мысленно. Бизнес...

Вот привычка к ворчанию никуда не делась. Продолжая про себя ворчать, я поднялся на пригорок.

Что тут у нас?

Корабль. Какой – хрен его поймет, ясно одно – это парусник. И весь какой-то из себя старый. Трубы не вижу, хотя это может быть и дизель. Ладно, пусть парусник, мне-то что? Гораздо интереснее были люди на песке возле него.

Оптика. Смотрим.

Российский камуфляж. Уже лучше. Хотя, как сказать. На мне – «флектарн», явно не российская армия. Разве что за десантуру из сорок пятого полка сойду? Нашивки на моих

рукавах тоже непривычные – «Вооруженные силы Абхазии», «АТЦ РА». Ну, хоть не натовские, и то хлеб.

Ладно, думать можно долго, голод от этого не убавляется. Надо идти. Приняв это решения, я встал, отряхнул форму, перекинул «ВСС» за спину и начал спускаться с холма...

По пути я прикидывал различные варианты развития событий. Стрелять будут? Маловероятно. Хотя в этом случае я противник неприятный и зубастый. Только к «ВСС» у меня кейс с патронами и еще на месте старта ящик лежит. Чуть меньше двух тысяч – дорого я им дамся! Два пистолета. АПС с сотней патронов и ПББ – тут, правда, всего два магазина, но и это сойдет. Гранат мало, всего четыре штуки, кто ж знал, что надо больше брать? Вот для «блесны» боезапасу можно хоть в лесу настрогать, стрелы, они не только металлические бывают. Главное, наконечник примастырить хоть какой-нибудь – и дело сделано.

Мысли мои перепрыгнули к делам житейским, и я вздохнул. А вот жрать хотелось сильно! Утром я только и успел, что позавтракать со всеми вместе. С собой ничего нет, не таблетками же из аптечки питаться?

Хотя – толпящиеся на песке люди доходягами не выглядели. Значит, от голода не страдают. Уже плюс, сытый человек всегда благодуще. Стало быть, первый контакт облегчается.

Тем временем меня, похоже, что заметили. От толпы отделилось два человека и неслабых размеров собаки. Ого,

вот это зверюга! На ходу я сбросил предохранители у обоих пистолетов. Кто его знает, почешется хозяин как-нибудь не так...

– Здорово, мужики! – приветственно помахал я рукой. – У вас тут что – субботник?

– Типа того, – ответил один из них. – Помочь хотите?

– Грузчиком поработать?

– У нас дел много. Можно и грузчиком. Хотя, как я посмотрю, вам другие инструменты привычнее. На охоту собрались?

– И так можно сказать.

– Ну, таких зверей у нас тут пока не наблюдалось. Форма на вас интересная, откуда вы?

– Форма немецкая, у нас в отряде в ней старшие офицеры ходят.

– И что же это за отряд такой?

Я повернул руку, чтобы говоривший мог прочитать нашивку на рукаве.

– «АТЦ РА»?

– Антитеррористический центр республики Абхазия.

– О как? Вас не Александром случаем зовут?

– Случаем, именно так и зовут. А вы откуда знаете?

– Да так... Совпадений много. На форуме у вас похожее фото было, Опять же – Абхазия... Только вот лицо у вас моложе стало, лет этак на тридцать. Дядя Саша, если не ошибаюсь?

– Не ошибаетесь. Форум? Какой?

– ВВВ.

– Во как? – тут я неслабо удивился. Бывает же такое в жизни!

НикТо

Недолгую процедуру знакомства прервал негромкий рык собаки, Гарма, как представил ее хозяин. Пес напрягся и смотрел в сторону моря. Все разом обернулись туда же.

Неподалеку от них на берег выбирался из воды человек в плотно облегающем тело гидрокостюме, за которым уходила в воду промокшая веревка. Заметив их интерес, парень помахал рукой и крикнул, что он свой, русский и чтобы ему помогли. Подбежавшие к выходящему из воды Ихтиандру Николай и парень в солдатской панаме, назвавшийся Александром, подхватили мокрую веревку и потащили ее вместе с пловцом.

– За нее конец потолка закреплен. Вытянем, а потом у нас и дорога на шхуну будет. Меня Сергеем зовут. Но можно и по прозвищу, Клим.

– Николай.

– Саня.

Тем временем к ним присоединился и хозяин собаки, успевший по дороге дать ей команду охранять.

Спустя некоторое время Клим, пошавив, сказал, что вроде как всё вытянули.

– Ну, теперь жить можно. Вопрос только – где и как?

– Точнее – когда, ребята. Мы ж попали, и теперь мы по-
паданцы.

– Оба-на! Это как мы на форуме обсуждали...

– Постой, постой, Серег! На каком форуме?!

– Ну «В вихре времен»! Там...

Продолжить Клим не успел, прерванный дружным ревом:

– Что?!

Задумчиво глядя на очередную приближающуюся фигуру
в камуфляже, я спросил:

– Интересно, а здесь все полторы тысячи человек с нашего
форума соберутся или как? Что ж мы есть-то будем? Шхуна
у нас маленькая и грузовая, а не круизный лайнер с ресто-
раном...

Клим в ответ на это сказал:

– Да и еды там особо нет. И времени у нас, кстати, тоже
немного.

В ответ на вопросительные взгляды окружающих он по-
яснил:

– Еще день-другой и ее размолотит о камни. И нам ничего
не достанется.

– Тогда чего стоим? Трясти надо! Давайте поплывем и пе-
ретащим все, что можно.

Но Клим тут же остудил трудовой энтузиазм, сказав, что
шлюпки там нет, а по дну много не утащишь, а дядя Саша
добавил, что нельзя оставлять лагерь, он обвел рукой ско-

пище беспорядочно сваленных вокруг пластикового столика вещей, без присмотра и охраны.

– Клим, сколько у нас времени до того, как ее о камни разобьет?

– Не знаю точно, но чем быстрее мы ее с камней снимем и разгрузим, тем лучше будет. А работы там немало найдется для этого.

Старый Империалист

Вырвав и отбросив назойливое растение, я приподнялся на руках и огляделся. Передо мной раскинулась степь. Ох, раскудрить твою в коромысло! Куда же меня закинуло, за грехи мои человеческие. На ад вроде не похоже, а в рай – не по чину. Стоп! А с чего это я такой сильный, и ПШ подозрительно свободное в области трудовых накоплений. Неожиданно легко вскочив на ноги, я принялся инспектировать самого себя. Эй, где мои тридцать лет? Впрочем, я слишком оптимистичен. Этому телу приблизительно лет двадцать пять, не старше. Впрочем, возраст это не срочно. А срочно нужно собрать вещички и определиться со своим местом в этом мире. Подтянув ремень, я прихватил рюкзак, подумал, и расстегнул застежку на кобуре. А куда идти? Солнце стояло почти в зените. Пытаясь вспомнить что-нибудь об ориентировании на местности, я уже не обращал внимания ни на что, механически передвигая ноги, и даже незнакомый запах не насторожил меня. Вероятно, тело решило позаботиться о

себе само, так что я вовремя остановился на самом краю обрыва. Вот это да! Море, настоящее море! И даже корабль какой-то. Странно, парусник. И что-то с ним неладно, по-моему. Ой, а это что за чудо? Белый пластиковый столик, криво стоящий на песке, выглядел здесь абсолютно неуместно. А вот мужчина, сидевший за ним, был явно свой. Какая-то забытая еще с каменного века система распознавания четко идентифицировала – «Свой». Тем более, прозвучавшая русская речь подтвердила вывод. Ну что же, будем спускаться к людям, к морю, к жизни.

На установленной им самим границе меня встретил большой черный пес, молча и внимательно обнюхавший протянутую ему тыльную сторону ладони. Но так как полномочий на «ам!» у него, очевидно, не было, то он препроводил меня до уже хохочущей компании. Мое появление встретили радостными криками:

– Ура! Российская армия прибыла на подмогу! Даешь олигархию в отдельно взятом племени! А ты кто, бродяга?

– Шиш вам, российская! Устанавливать имперскую власть прибыла белорусская армия!

– Маска, я тебя знаю! – с энтузиазмом заорал молодой худощавый парень. – Ты – Старый империалист! Здорово, тезка!

Обалдев от такого приветствия, я уронил рюкзак на песок:

– Ти-и-ихо!! А теперь по порядку, по-русски, и помедленнее...

Не получилось ни медленно, ни быстро. Выстрел! И не так уж далеко от нас. Спутать характерный звук от «калаша» с чем-то другим трудно, так что явно кто-то из «наших» попал в переделку!

Быстрее всех отреагировал Дядя Саша.

– Стоп всем! Внимание! Ты, который в бронике. Ты на форуме Зубрилка?

Высокий худощавый парень, назвавший меня тezкой, кивнул, сноровисто откидывая приклад на «ксюхе» и смещаясь чуть в сторону от толпы, открывая себе сектор обстрела в сторону спуска с холмов к морю.

– Отдай жилет девушке, закидайте ее шмотками и прикрывайте. Клим!

– Я!

– Организуй тут оборону. Змей, со мной!

И они вдвоем, сопровождаемые собакой, бросились вверх по склону.

НикТо

Мне относительно повезло. Вернувшись и приведя на берег сразу пять новых наших коллег, Дядя Саша тут же развил бурную командирскую деятельность. Лагерь начал быстро приобретать черты нормального армейского лагеря, назначен дежурный, которому пришлось составить опись имевшихся у народа продуктов, сразу же появился и наряд по кухне, которому надо было сообразить обед для всей гоп-ком-

паний. В тени под деревьями появился небольшой медпункт. На расстеленном куске брезента молодой человек азиатской внешности начал вдумчиво перебирать баулы с доставшимися ему при призыве медицинскими принадлежностями. Змей с Гармом вызвались патрулировать окрестности. Группа мужчин с оружием обступили «аборигена» (Да-да! Настоящий индеец, без акцента говорящий по-русски, зрелище то еще!), затеяли разговор о перспективах охоты и рыбалки в этих местах. Тема быстро стала актуальной, когда кто-то из них обратил внимание на скромную кучку продуктов, сложенную у намечающегося «достархана».

Клим был озадачен измышлением способа снятия шхуны с камней. Ну, а поскольку серьезного оружия у меня не было, желания готовить тоже, а необходимость избавиться от тяжелых мыслей активным трудом имелаась, то напросился в группу, набираемую для работ на судне.

– Это реально, если удастся максимально облегчить судно «и в момент прилива...», – здесь он сделал волнообразное движение рукой, а когда мы уже предвкушающе заулыбались, он закончил:

- ...мы встанем и будем стоять до утра!
- Почему? – мы недоумевающе прокричали почти хором.
- Прилив будет ночью. Вот так-то вот. Ну, а что вы думали? В сказку попали?! А с утра мы еще и понырять попробуем. Хотя...

Он скептически посмотрел на нас, потом на стоящее в сот-

не метров от берега судно.

– Понырять попробую я. А вы будете вытягивать все, что за борт выбросить придется. Поэтому особенно далеко не швыряйте. Доплыть все сможете?

Мы согласно закивали.

– Ну, тогда готовьтесь. А я сейчас командиру доложусь. Пусть, кстати, Ирину озадачит за нами наблюдать. А то ведь понадобится знак подать, так не докричимся. Да и она при деле будет.

Он быстрым шагом двинулся к дяде Саше. Тем временем, покопавшись в своих вещах, я вытащил приготовленную для службы камуфляжную косынку и засунул ее в наколенный карман штанов, снял китель и майку, разулся, аккуратно сложил все свое барахло и, завернув штанины, не спеша двинулся в воду. Почти тут же позади меня раздалось фыркание и плеск поплывших следом парней. Держась тесной группой, мы уже одолели больше трети расстояния, когда услышали за спиной командирский рык Клим, успевшего зайти в воду спиной (а как иначе это делать в ластах?), и буквально через несколько секунд он пронесся мимо нас.

Уважительно цвиркнув водой ему вслед, я сказал:

– Специалист, однако. Пока мы догребем – он уже и обсохнуть успеет.

– Ага, а вот если еще и трюм разберет, то вообще цены ему не будет...

Трюм он, конечно же, к нашему приплыву еще не разо-

брал, но фронт работ подготовил. Люки, ведущие в кормовой и носовой трюмы, были гостеприимно распахнуты, а сам Клим что-то привязывал к бухте нетолстой веревки, лежащей у одного из бортов. Не дожидаясь наших вопросов, он сказал, что вначале замерим глубину, а потом туда, где она поменьше будет – буй выставим. У него пока лишнее и припомним, чтобы потом не мучиться, по всему побережью собирая. Мы в ответ глубокомысленно покачали головами и начали с интересом осматриваться на судне. До этого на подобном маломерном водоплавающем средстве мне довелось побывать лишь единожды, и то в качестве пассажира во время получасовой прогулки по бухтам Севастополя. На той «пиратской посудине» все эти «реи-мачты-концы» были лишь антуражем, а здесь... Казалось нереальным и странным, что эти шершавые веревки – скатанные рулоны тяжелых парусов. Видно, команда не успела убрать те, что привлекли мое внимание. Или так нужно было по их морскому разумению? В одной из крохотных кают, скорее даже закутков, в корме шхуны мне удалось найти небольшой топор – нужную вещь в свете предстоящего мародерского труда. «То ли плотник корабельный забыл, то ли еще что. В общем, одно из двух» Так прокомментировал мое первое материальное приобретение в новом мире Клим. Как старожил, очнувшийся после переноса именно на этом судне и в принципе имеющий на него все права, он мог бы поднять вопрос, что все вокруг как бы его, но великодушно не стал этого делать, а повел нас оце-

нивать масштаб работ.

Масштабы впечатляли. Даже при отсутствии нормально-го освещения. Свет лился только из люка и похоже, что других источников освещения тут не предусматривалось. Само судно вроде маленькое, а сколько же в него бочонков, сундуков и ящиков оказалось понапихано. В одном из вскрытых ящиков тускло поблескивали стволы старинных мушкетов, а от нескольких просмоленных бочек тянуло не самым приятным запахом.

Пока мы вдумчиво комментировали нашу предстоящую работу и тихо офигевали от того, что в бочках была, оказывается, «та самая солонина!» и что «это, оказывается, едят!», Клим закончил возиться на палубе и сказал, что готов к приемке груза. Вдвоем с Сергеем мы начали разбирать штабеля ящиков и подтаскивать их к опускаемым сверху веревочным петлям, с помощью одного из Александров крепили ящики, а Клим вместе с другим Александром принимал их наверху. Прodelать такой финт ушами с тяжеленными бочками не получилось и все найденные в этом трюме шесть бочек мы, по указанию нашего капитана и одновременно суперкарго, откатали к одной из стенок трюма. Возня в этом тесном, и пропахшем разными непривычными запахами помещении, продолжалась почти два часа. И с непривычки умаялись сильно. А ведь был еще один трюм, да и с наваленными на палубе вещами тоже надо было что-то делать. Кстати, с усталости и под настроение с желанием пресловутая солонина с доволь-

но свежей водой, найденной в нескольких бочонках, пошли, что называется, «на ура!». После легкого перекуса и перекура со вторым трюмом, вооруженные опытом, мы справились быстрее. Что-то из вещей Клим с нашей помощью растаскивал по судну по пока одному ему ведомой системе, что-то мы по его указанию, не теряя времени, сбрасывали за борт к качающемуся на волнах буйку. И к тому моменту, когда солнце уже клонилось к закату, шхуну, до того крепко и без движения сидевшую на камнях, начало ощутимо покачивать на волнах.

Сергей-Дог

Мокро. В сапоги наливается вода, это холодно и мокро. А когда вас вдруг швыряют в холодный ручей – это еще более холодно и мокро. Барахтаюсь от неожиданности, встаю на ноги. Выясняется, что не только мокро, еще и грязно. На дне. Стоп, откуда тут ручей? Хотя потом, сначала на берег, и что эта кобылища делает? Ест травку? С затянутым по-скаковому седлом? А заподпужиться она не хочет? И поводья заодно порвать? С хорошим оголовьем?

Эти мысли заставляют быстро выбарахтаться из тины и донных отложений, и поспешить к кобыле, которая невозможно с аппетитом начала стричь местную растительность. Прежде всего голову вверх, так, теперь подпруги, подперсье, седло долой. Подбородник, оголовье – долой. Вот теперь ешь и сохни. Да, и далеко не уходи. А кстати, где мы? Стоп, где

линия, по которой мы ехали? И где вообще дорога? Тропинка какая-то. Ладно, все потом. А пока вот хорошая лесина, сюда ее. Эти веточки ломаем, эти... А на что я такую мечеобразную селедку себе на заказ покупал? Ну, головы рубить не довелось, и слава всем богам, а вот лесины...

Через полчаса костер весело трещал сушняком, на ветках причудливо развешана сбруя... Хорошо все-таки, что выюк не снял, есть чем костер развести. Ладно, теперь автоматик почистим, и баиньки. Стоп, только не у костра. Так, вот в сторонке, кустик, листьев побольше, попонку, хорошо была свернута и сверху не намокла, так, ну можно и спать.

Спасск

Нет, все-таки жарковато, но по сравнению с прошлым годом, когда столбик подскакивал до сорока, еще ничего. Судя по солнцу, сейчас часов десять, хотя на мобильнике было полчетвертого и ноль покрытия, как говорится «вне зоны действия сети». Хоть джиписки в аппарате и нет, а она мне и на фиг не сдалась, но что-то мне подсказывает, что спутников будет столько же, сколько и вышек джеэсемовских вокруг. Пока вокруг ничего интересного наблюдать не удалось, то есть ни самолетов, ни автомобилей и вообще никаких следов человеческой деятельности, в общем, какая-то прерия вокруг. Были какие-то странные птицы, какие, не знаю, (ну, не орнитолог я), но, по крайней мере, сорок, воробьев и прочих ворон с голубями не наблюдалось, даже в бинокль, точ-

нее в то, что биноклем назвали китайцы, что-то слабо верится, что он шестикратный, максимум четырех.

Гремучим змеям не удивился, а вот попавшийся на пути скорпион навел на мысль, что я где-то в Средней Азии, да и крупный птиц, уже полчаса круживший над головой, и которого я обозвал беркутом, намекал на то же. Еще когда он появился, я скинул оба рюкзака, уже успевшие здорово оттянуть мне плечи, и попытался прицелиться в него из СКСа. Что удивительно, особого тремора не наблюдалось, но стрелять, естественно, не стал, во-первых я не Сухбатор, а во-вторых если бы этот беркут даже специально подставился, то что бы я с его тушкой делал? То, что птиц не улетел, отнюдь не значило, что он никогда не видел охотников, вполне возможно, он просто не в грош меня как охотника не ставил, что не плохо охарактеризовывало его наблюдательность и мыслительные способности. Я плюнул, мысленно, на наглеца, выжал от пота футболку, приспособленную вместо банданы, снова, в который раз, провел рукой по бывшей лысине, теперь превратившейся в нередкую шевелюру, и потопал дальше. Нет, с рюкзаками надо что-то придумывать, может, повесить один на спину, а другой на грудь? И что мне это даст, будет, как с Чебурашкой, который «понесет вещи». Пот опять начал заливать глаза, даже в ушах шуметь начало. Пришлось опять остановиться, сбросить рюкзаки, осторожно положить карабин сверху и, оглянувшись на всякий случай, зарыться в рюкзак с провизией. Литровая бутылка

«Славяновской» опустела больше чем на две трети, поэтому ограничился одним глотком, правда жадность сдержать не удалось, и глоток получился большим. Снова достал бинокль из футляра и осмотрел окрестности, ничего не изменилось, но что-то было не так, как раньше. Вот, шум в ушах не пропал, да и воздух изменился на вкус и стал каким-то свежим что ли, и йодистый запах. Неужто! Пока убирал бинокль, еще раз глянулся, как в зеркало, в большие линзы – на меня уставилась до безобразия молодая и радостная физиономия. Тьфу на тебя, глюк мухоморный! Рюкзаки будто полегчали вдвое, я чуть ли не бегом преодолел две сотни метров и остановился на песчаном обрыве. Моим глазам предстала безграничная синяя даль океана. Снял солнцезащитные очки, блеск стал почти нестерпим, пришлось надеть обратно, повернул голову налево и примерно в километре увидел накренившийся парусник, сидящий на прибрежной скале, и людей на берегу. Ну, Вадим Артурович, вот тебе и дети капитана Гранта и пятнадцатилетний капитан в придачу.

Пришлось в который раз доставать чудо китайского оптикостроения. Пошарил взглядом по близлежащим окрестностям – подводной лодки нигде не видно, значит, капитан Немо либо еще не прибыл, либо уже убыл. Интересно, это хорошо или плохо? Подумал, решил, что плохо. Так, теперь прикинем, на берег чего меня могло занести. Итак, Аральское море – может быть? Может. Сам его никогда не видел, но то, что показывали по зомбоящику, этот вид никак

не напоминало. Будем считать, что не Арал. Что у нас следующее на очереди? Каспий. Что-то сомнительно. Во-первых, нет Волги, уж ее бы я заметил. А так как каждый трехклассник знает, что Волга впадает в Каспийское море, то какой вывод? Правильно – неправильный. У Сухова в Педжете тоже Волги не было, а море было. Так, этот вопрос надо рассмотреть поподробнее. Положим, парусник это баркас, правда, тот на песчаной отмели был, ну да ладно – отметем как несущественное. Тогда должна быть таможня и Верещагин. Пришлось внимательно осмотреть группу местных на берегу. Несколько здоровых вооруженных молодых мужиков, девушка и здоровущая псина. На роль Верещагина не подходит никто. Таможни вообще не было, как и других строений, только стол. Пикник у них что ли. Нет, не Каспий. Тогда Черное море. А что – подходит. Степь, обрыв, парусник – Крым! А это контрабандисты, про них еще Багрицкий писал:

*По рыбам, по звездам
Проносит шаланду:
Три грека в Одессу
Везут контрабанду.*

На греков не похожи, да и больше их. А вот может ли быть парусник шаландой?

Теоретически может, а вот практически... Шаланды вроде поменьше, но и контрабандистов больше, значит, будем

считать, что это Большая Шаланда. Все, не будем умножать сущности, а то получим бритвой по... ну, в общем, нам по пояс будет. Итак – я в Крыму. Теперь следующий вопрос – стоит ли спускаться к этим контрабандистам, тем более что они меня уже заметили и машут руками? Сразу вспомнилось незабвенное: «Не советую, молодой человек. Съедят-с». Что-то очень радостно машут, особенно пигалица, аж на месте подпрыгивает – самая голодная, наверно. Только одна собака замерла и смотрит – внимательно так. Как говорил Быков: «Ну, это уже хамство, это вам не сорок первый». Так спускаться? Или продолжать стоять здесь как памятник Большому Поцу?

Тяжело вздохнув, начал спускаться, но не спеша. Шел минут десять, не меньше. Ажиотаж среди контрабандистов закончился, и теперь они просто ждали, о чем-то активно переговариваясь. На подходе меня встретила псина. Ну и здорова! Мимо прошел почти на полусогнутых, но та просто громко втянула воздух, а потом просто отвернулась. Подошел к группе мужчин, скинул рюкзаки и представился, по всей форме.

– Мельников Вадим Артурович, тысяча девятьсот шестьдесят пятого года рождения, холост. Последнее время и место дислокации – двадцать пятое мая две тысячи одиннадцатого года, Россия, Земля, галактика Млечный Путь в Спирале. Номер в тентуре не знаю.

Затем устало сел на рюкзак и спросил:

– Ну что у нас плохого?

Ирина

...Нас вечер встречает прохладой... – напевала я, набирая воду из ручья в большую пластиковую бутылку. – Нас ветром... Ой!

Из-за деревьев, окружавших небольшой родничок с вытекающим из него ручьем, показалась страшно знакомая кругленькая физиономия. Которую она помнила столько же, сколько саму себя. Только эта – гораздо моложе!

– Катя! Живая! Целенькая!

Я бросилась к сестре, обронив бутылку с водой.

– Ну, скажи же что-нибудь, не молчи! – затрясла она сестричку за плечи. – Катюшка!

Сестра обалдело хлопала глазами. Наконец, высказалась:

– Не трясси, уронишь... – затем, немного постояв. – А мы вообще где – я в поезде ехала, потом трянуло, а я уже тут, – и показала свою большую сумку в одной руке, а в другой – зажатые в ней простыню с подушкой, явно из купе поезда – настолько они были «типичные».

– А! Мы, похоже, «попали», – говорю, отвечая на вопрос сестры. – В смысле, «перенеслись» – каждая из своего места в момент ядерного взрыва. Сперва там, дальше на пляже, появилась я – сидела в столовой за столом с обедом. Затем стали появляться и другие – угадай, откуда оказались все? Ладно, сама скажу! С нашего форума «В Вихре Времен»! А

теперь смотрю – и ты появилась!

– А как же мама? И папа? – глаза Кати наполнились слезами. – Может, они еще появятся?

В голосе сестры была слышна надежда.

– Я не знаю, Катя! Правда! Хорошо бы, конечно, хотя вряд ли... Может, они и попали сюда – но... Тут некоторые перенесли не в своих телах, а только сознанием... Может, и с родителями так же вот. Так что, если мы их не встретим, то и не узнаем никогда, что с ними случилось. Давай не будем загадывать наперед, ладно?

– Угу! – Катюша героически шмыгнула носом.

Я подобрала упавшую бутылку, вылила из нее воду, сполоснула и набрала воду снова.

– Давай, пошли в лагерь – у меня там палатка!

Мы пошли по тропинке по направлению к морю и людям. Я бодро шагала впереди, прихватив у Кати ее сумку, а сестричка семенила следом, повесив длинную простыню на шею и обмотав ее конец вокруг тела. В одной руке у нее была зажата подушка, а в другой она несла ставшие великоватыми для ее ног туфли...

За несколько минут мы добрались до лагеря, где были встречены настороженным ворчанием Гарма и возгласами «С прибытием!» со стороны людей...

Котозавр

Вжавшись в землю, я ожидал положенной по уставу удар-

ной волны ядерного взрыва, не понимая, в какую сторону должны быть ноги – а нету ее! Не пришла, обманула. Тишина, лес, птички поют... Вашу мать!!! А где поселок? Где Сердаров на «газели»? Что-то мне это напоминает. Первый тест на попаданчество. Мобильник честно доложил об отсутствии сети. Плохой симптом. Солнце стоит в зените, хотя только что было на три лаптя ниже. Тревожный симптом! Артиллерия не грохочет, черный «Мессер» не вьется над моею головой – хорошо. Тираннозавр в кустах не рычит – очень хорошо! В кустах человек говорит. Говорит о том, что он – человек, очень удивлен, обескуражен, крайне недоволен, и желает произвести над виновниками происходящего, их родней и друзьями, физическое и сексуальное насилие, непременно с мучительной смертью потерпевших в финале. Незнакомый голос, но крайне знакомые интонации.

Человек с автоматом осторожно выглянул из куртинки, в которую его закинула судьба. Невдалеке под деревом сидел индеец, и ощупывал себя. Печатными в его темпераментной речи были только знаки препинания. Под ногой автоматчика хрустнул сучок, и чингачгук-матершинник схватил из травы ружье, но, даже не прицелившись, замер...

– Рембо, ты когда побриться успел?!

– Командир?!

По прошествии десятка минут, в течение которых я объяснял шокированному Андрею теорию множественности миров, индеец мне – устройство кремневого замка на муш-

кете, а вместе они пытались понять: почему называется батарейным замок, батарейки не имеющий, Андрей Сердаров остался привыкать к новому телу и памяти, а я пошел за брошенной сумкой с подарками для тестя. Как всякий порядочный попаданец, я знал о ценности каждой мелочи в условиях робинзонады. Идти по лесу, размышляя о высоком – чревато неприятностями. А если думать одновременно: о выросших зубах – без пломб, спадающих штанах – разожрались вы, товарищ прапорщик, и руке, что лишилась почти всех шрамов из бурной молодости, то шанс на неприятности возрастает многократно. Грубая действительность вторглась в мечты мушкетным выстрелом сзади. Оборачиваюсь, вскидывая автомат как раз вовремя, чтобы **ОЧЕНЬ БЛИЗКО** увидеть двух индейцев, несущихся в атаку. Судорожно сдернул предохранитель автомата, три раза стреляю в ближайшего врага – одиночный огонь черт его побери! – и меня сбивают с ног, но я успеваю в последний момент подставить автомат под удар топора. Индеец, навалившись сверху и что-то рыча, ударил меня головой в лицо, еще и еще раз, но, кроме первого, удары были медленными, а горлом уже пошла кровь и начали закатываться глаза. Скинув с себя тушку первого агрессора, вижу торжествующую рожу второго: белого надо только добить! Замах и вскидывание пошли навстречу. Автомат встретился с томагавком, выбил его из руки индейца, но и сам кинул магазин в траву, а пуля ушла в небо. Краснокожий схватился за нож, но я уже озверел – полусидя пере-

хватываю калаш за ствол, и со всей возможной в такой позе дури вколачиваю врагу по коленке. Тот, хромя, отскочил на пару шагов, держа перед собой нож, и дальнейшее стало делом элементарным: разорвать дистанцию еще на несколько метров, воткнуть новый магазин, и одиночным в ногу положить недоумевающего дикаря: бледнолицый стрелял, и не заряжался, чего пугает?

– Костя! Ты живой?

В кусты вломился забрызганный кровью Андрей. Увидев раненого индейца, он походя воткнул нож ему в горло, и так же «проконтролировал» второго.

– Допросить надо было!

– Нафиг. Ничего интересного не скажет. Крысоеды с севера, за подвигом пошли, пока не воин – жениться нельзя. Не то что у вас, бледнолицых: папа дебилу «девятку» подарил – уже мушкетина. Блин, я об этих уродах мушкет поломал!

Я полез в здоровую сумку, и немного порывшись, вытащил оттуда переломку и пачку патронов.

– Держи «ижику», Курбаши. По любому лучше местных карамультуков будет.

– Жмот ты, Костя, на двудулку денег зажал? – наморщился Белый Бык, скептически рассматривая ружье, которое в его лапах смотрелось игрушкой. Хотел сказать еще что то, но вдруг насторожился, и заорал в лес:

– Стой, мля! Стрелять буду!

Отпрыгиваю в сторону, за дерево, но фраза по-русски вво-

дит в легкий ступор.

– Парни, вы продаете славянский шкаф?

Елена

Боль.

Нет, не так.

БОЛЬ.

И страх.

Мало кому довелось испытать на своей шкуре, что такое смерть, и после этого еще хоть что-то чувствовать. Хм... Как шутил мой знакомый врач, если у вас болит, значит, вы еще живы.

А это очень странно, между прочим. Если «ядренбатон» шарахнул по центру Харькова, а бомбочка там была никак не меньше двадцати мегатонн, то в радиусе двадцати-тридцати кмэ от эпицентра не должно было остаться ничего живого. Ну, или не покалеченного до состояния мясного фарша... Блин, все тело болит...

Пробую разлепить один глаз.

Песочек. Ага: уже мордой в песок валяюсь.

Пробую, разлепляя второй глаз, приподняться...

Так-с, приехали.

ГДЕ Я, МАТЬ ВАШУ?!!

Когда перед глазами наконец перестало плыть и двоиться, я окончательно убедилась, что мне все-таки нужен доктор. Желательно, психиатр. Черт, читать альтернативки с по-

паданцами, самой сваять такую альтернативку – и нате вам. Попала.

Это явно не Бабаевка с ее искусственным сосновым лесом. И уж точно не дорога на Белгород, куда я пыталась прогнаться десятой тропинкой. Это что-то куда более южное. И теплое. Ладно, потом разберемся. Это еще не самое страшное. Хуже всего то, что тело точно не мое. То есть ощущается как родное, но таких пухлых холеных ручек у меня сроду не было. Всегда были в кошачьих царапинах, старых и свежих, а тут... Найду зеркало – присмотрюсь к физиономии, но уверена, что с моей персоной эта дама имеет мало общего. Дама... Лимон на ножках. Тут или липосакцию сходу делать, или заниматься хорошим физическим трудом не меньше трех месяцев. Заплыла дурным жиром, понимаешь...

Я поймала себя на мысли, что стараюсь отвлечься от случившегося. Толик... Господи, сделай так, чтобы он тоже оказался здесь. Полжизни отдам...

Не было больше ни боли, ни страха. Я брела по берегу, тупо глядя себе под ноги. В голове и желудке было одинаково пусто, но мне все равно.

Одна.

Господи, что плохого я тебе сделала?..

Нет, не совсем одна. Вон там кто-то лежит на песке.

Дамочка-«донорша», видимо, за всю жизнь и знать не знала, что такое стометровка по песку в тяжелых, явно походных ботинках и в длинной, до пят, юбке. Ничего, я тебе

жирок растрясусь, Сара-Энн Годдард... Откуда я знаю твое имя? Теперь ты – это я, не удивляйся. Но рулить своим телом тебе уже не придется никогда. Не позволю. Да, я эгоистка. Но поверь, дорогуша, твоим телом я распоряжусь куда лучше, чем ты сама... Так, а вот и... Стоп: это же мистер Годдард! Боже, кто его так?

Затылок не разбит, уже хорошо, хотя там чувствуется большая шишка. Если потеря сознания – значит, гарантированное сотрясение. Переворачиваем, суем под голову свернутый сюртук. Ага, стонет. Значит, тоже жив, пусть и не совсем здоров. Налицо типичный англичанин, каким его принято представлять. Мужик не старый, но и молодым его назвать я бы затруднилась. На мой взгляд, где-то за тридцать... Какие тридцать! Джонасу двадцать четыре всего, и мы почти пять лет женаты!.. Заткнись, Сара-Энн, не то пожалеешь... Ага, походный сундучок у мистера под рукой, и не выпотрошен. Значит, это не грабители постарались. Так, где там нюхательная соль?.. Ну же, мистер Годдард, извольте прийти в себя и объяснить, что за херня тут происходит!

Откачиваемый с явным усилием приоткрыл один глаз, второй... Зажмурился от яркого света, встряхнул головой. Покривился, щупая шишку на затылке. Потом, заметив нечто интересное у себя на рукаве, принялся пристально разглядывать локоть. Потом вообще отмочил номер: ущипнул себя за бок.

– Больно... – хрипло прошептал он.

По-русски.

Голос был чужой, лицо чужое, но меня словно насквозь прострелили...

– Солнышко, ты?

– Лена?

Где-то с минуту длился ступор. Мы попросту переваривали свалившееся на наши головы... то ли несчастье, то ли, наоборот, счастье. А потом я разревелась и классически повисла у Толика на шее.

Вот за это точно полжизни не жаль.

– Ни о чем не жалею, кроме одного: наших хвостатых не хватает.

– Особенно Шпану жалко. Такая золотая кошечка была...

Мы шли по берегу, по утрамбованной волнами полосе влажного песка, широкой из-за отлива. Шли... Кто бы только знал, какое это было счастье! За неполный час пережить ядерную бомбардировку, умереть, очнуться в чужих телах, обряженных в какие-то музейные тряпки... А в случае Толика – еще и нормально ходить. Аналогия с главгероем «Аватара» неуместна: бравый морпех до ранения ходил нормально, тогда как Толик всю жизнь провел на костылях. Он и здоровыми ногами мистера Годдарда (чересчур здоровыми – на взгляд его благоверной, которую он иногда «учил») поначалу пытался пользоваться как раньше. Ну, с помощью... нет, не кувалды и какой-то матери, но к тому близко – все же пошел. Ладно, Бог с ними. Надо благодарить Его уже за

то, что попали мы в молодые и относительно здоровые тела. То есть, Толику придется избавляться от брюшка, курения и нажитой мистером Годдардом одышки (двадцать четыре года, блин, и уже песочек сыплется!), а миссис Годдард придется стапливать около двадцати кило сала. Если, конечно, у нас будет возможность это сделать.

От тяжелых раздумий стоит если не избавляться, то отвлекаться. Иначе недолго впасть в грех уныния.

– Любимый, – я изобразила лукавую улыбку, хотя на душе было удивительно пасмурно.

– Что, роднунька? – Толик понял и принял эту игру. Что-то, а чувство юмора у него в полном порядке.

– А ведь это Сара-Энн своего муженька по темечку приложила.

– О, женщины, коварство – ваше имя... За что, если не секрет?

– Да, понимаешь, он на нее начал валить вину за ссору с кэпом – типа, юбкой вертела, и тэ дэ. Побил. А она за всю поездку только раз на палубу вышла, и сочла себя оскорбленной. Стоило супругу повернуться... Кстати, как у этой англичанки с физиономией, все в порядке, или можно сразу топиться? Зеркала-то под рукой нет.

– Вполне симпатичная мордашка, Леночка, хоть и не очень на тебя настоящую похожа. Я-то хоть перестал выглядеть небритым боровом?

– Опять ты на себя наговариваешь... Нет, любимый, в но-

вом амплуа ты стал похож на английского бульдога.

— Ужас, — во взгляде Толика — в водянисто-серых глазах мистера Годдарда — промелькнула веселая искорка. Я доби-
лась своего. Человека с такой мордой грех не стукнуть при
первой же возможности... — Лена, смотри!

Дым. Черный, коптящий. Такой бывает не от костра, а от
пожара. Но что может гореть в ложбинке между двумя хол-
мами, поросшими какой-то подозрительно незнакомой рас-
тительностью? Не самолет же туда свалился, в самом-то де-
ле? Почему-то стало страшновато. Мало ли... Но человек —
тварь любопытнее кошки. Желание узнать, что там такое и
с чем это можно схарчить, пересилило подспудный страх пе-
ред неизвестным, доставшийся нам в наследство от живот-
ных предков. Мы с Толиком — в мало приспособленных для
такого дела телах мистера и миссис Годдард — продрались
сквозь прибрежный кустарник и полезли выяснять, что го-
рит.

Горел микроавтобус. Наш. Вернее, жирно чадя, догорала
та куча искореженного железа, которая когда-то микроавто-
бусом была. Мдя, апокалиптическая картина. Ведь всего пару
часов назад заливала в его бак краденый бензин и затарива-
ла салон мешками с барахлом и продуктами... Удар, судя по
степени механических повреждений, был страшный. Такое
ощущение, будто «мерин» на скорости под сотню въехал в
бетонную стену, а потом его сверху приложило башенным
краном. При этом из открывшейся задней дверцы на землю

высыпалась куча добра, половина которого сгорела вместе с машиной. Я же канистр пять еще припасла, вот они и бахнули, вместе с полным баком... Вон там что-то знакомое... Да это же кошачьи клетки! С разломанными пластиковыми замками и пустые. Пушистых трупов не видно, крови тоже. Так, значит, наши котяшки вполне могли спастись. Уже хорошо. Но вот что там касается... гм... нас?

– Мне кажется, – сказал Толик, – не стоит нам подходить к машине слишком близко.

Я только молча кивнула: разглядывать собственные обгоревшие трупы как-то не хотелось... Мало кому приходилось стоять у своего погребального костра. Осмелюсь утверждать, что мы с Толиком как бы вовсе не единственные с подобным жизненным опытом, и – честно вам скажу – злейшему врагу не пожелаю это пережить.

– Надо собрать все, что только можно, – тихо сказала я. – Хоть какой-то шанс будет...

Уцелело, к сожалению, немного, но среди этого «немного» оказались консервы, сумка с личными вещами, большая картонная коробка, гремевшая разнообразным заточенным железом, и чемоданчик с ноутбуком. Ноут, к величайшему сожалению, от удара просто раскололся пополам. Только винчестер выдернуть осталось. Зато прилагавшаяся к ноуту сумка с дисками уцелела. Не представляя, когда, где и куда я буду эти диски вставлять, все же уложила их к вещам. Потом, подумав, затолкала все это плюс обломки ноутбука – ма-

ло ли, может пригодиться – в короб с холодным оружием и принялась сооружать волокушу. Толик упаковал консервы и бутылки с водой. И в результате мы получили совершенно неподъемные тюки, которые пришлось на жердях оттащить к берегу по частям.

Что ж, продовольственный вопрос, по крайней мере, на ближайшее время как-то решен. Осталось решить другой, самый главный: вопрос безопасности. Ведь если верить памяти «доноров», мы на побережье Калифорнии. А это в 1790-м году от Рождества Христова – опять же если верить памяти супругов Годдард – не самое приятное местечко обитаемого мира. Ибо здешние обитатели не очень-то любят людей с белой кожей.

Спать нам не придется, однозначно. Ну, и ладно. Я кофе сварю.

* * *

Если бы не кофе... Да здравствует Бразилия и все, кто подделывает один из главных продуктов ее экспорта!

Всю ночь мы с Толиком только тем и занимались, что:

- а) проводили ревизию уцелевшего от «той» жизни имущества;
- б) пили крепкий кофе без сахара и налегали на консервы;
- в) уясняли, кто и что мы теперь;
- г) пили кофе с сахаром;

д) пытались понять, что нам теперь делать;

е) пили кофе с сахаром и сгущенкой.

Кстати, господа Годдарды в своей «независимой» от нас житухи ну очень «не любили» поесть. Насколько я себя помню, банки консервов мне всегда бывало много. А тут Сара-Энн, вылизав баночку и, вытершись бумажной салфеткой (это не ее – моя привычка! Настоящие леди утираются салфеточками матерчатыми!), голодно облизнулась на следующую. Блин! У нас не так много жратвы уцелело, чтобы тешить желудки привыкших к излишествам купчиков и купчих! Что ж, придется нам доводить эти «тушки» до нужной кондиции.

Пришлось накачиваться кофеием, благо баклаг с водой хватило бы на целый полк, а весь кофе, что я из супермаркета зацепила, каким-то образом избежал гибели в огне. Лучше бы крупы избежали... Ну, да ладно, какой смысл жалеть о том, чего уже не вернуть. Надо пользоваться тем, что имеем. А что мы имеем? Сломанный ноут с дисками – раз. Ружье и два пистоля мистера Годдарда – два. Мою коллекцию холодного оружия – три. Некий запас продовольствия – четыре. Память уроженцев восемнадцатого века – пять. Желание выжить... Нет, это, пожалуй, надо ставить даже выше первой строчки. Потому как при первой же возможности хорошенько поразмыслить у нас возник вполне резонный вопрос.

Если мы здесь, то ЗАЧЕМ?

– Давай рассуждать логически, – сказал Толик, допивая

пятую кружку кофе. – Случилась всеобщая ядерная война. Думаю, человечеству как цивилизации пришел финиш. Ну, или на самый крайний случай – долгий постапокалиптец. Не самое лучшее завершение истории. И я почему-то думаю, что нам просто дали второй шанс. Если мы с тобой что-то изменим в этом мире, ядерная уже война не случится.

– А что могут изменить в мире английский фактор и его жена? – я «подумала вслух». – Если честно, солнышко, мы тут – никто, и звать никак. Максимум, что мы можем – это построить факторию, как твой... персонаж задумывал, только не выживать отсюда испанцев, а задружиться с ними. Но и это вполне могут исправить. Приедет мой... точнее, Сарочкин братик на фрегате, и конец дружбе.

– Твоя героиня создала государство на Карибах.

– Ей для этого понадобилось шесть лет, гора денег и три километра нервов.

– Вот и мы с тобой так же – будем начинать с малого. Завтра посмотрим, что тут к чему...

От шестой чашки кофе Толик благоразумно отказался. Мистер Годдард, конечно, бугай здоровый, но не стоит искушать судьбу. Эта чашка, уже поостывшая, досталась мне. Спать – почему-то мы были в этом уверены – здесь было просто нельзя. Почему? Вот нельзя, и все. Чутье, блин...

Заряженный музейный арсенал мы распределили совсем не так, как это сделали бы на нашем месте супруги Годдард. То есть я, как имеющая некоторый опыт обращения

с длинностволом, взяла ружье, а Толик заткнул пистолы за пояс. Кроме того, мы оба прибрахлились из моей коллекции – саблями и кинжалами – и выглядели теперь записными флибустьерами, хоть картинку рисуй. Настороженное чутье, несмотря на милитаристские приготовления, не утихало, внятно сообщая о некоей опасности, и мы, прекратив обсуждения, дружно отвернулись от костерка.

Когда зрение привыкло к темноте, я увидела. Человека, приближавшегося к нам тихим скрадом, в полусогнутом состоянии. Кто это – Бог его знает, но вряд ли друг, если крадется.

– Лена, там кто-то есть, – я расслышала встревоженный шепот Толика.

– Вижу, – так же тихо прошелестела я. – С моей стороны – один.

– С моей тоже.

«Друзья или враги? Как говорил принц Гамлет – вот в чем вопрос...».

Вопрос этот гамлетовский разрешился довольно быстро. Сообразив, что они обнаружены, неизвестные с улюлюканьем бросились на нас.

Первое, что сделала бы Сара-Энн в такой ситуации – оглушила бы супостата своим визгом. Но я не Сара-Энн. У меня другое имя, другая память, другая душа, в конце концов. Первое, что сделала я (Елена, а не Сара-Энн) – заняла позицию «стрельба из положения лежа», взвела кремневый ку-

рок, выцелила силуэт и плавно отжала собачку. Ч-черт, отдача нехилая, на рыхлом теле англичанки точно синяк будет. Нападавший взвыл, скорчился. Сзади – еще один выстрел. Толик, в отличие от меня, дал волю своему «донору», и тот, достав из ножен кавалерийский палаш (сталь там хреновая, правда, это ж новодел), уж постарался на совесть... «Мой» вражина тем временем поднялся – ну, надо же, с такой дыркой! – и, что-то проорав в мой адрес (навряд ли комплимент), прыгнул. Чем-то замахнулся. Блин, это же топорик! Сара-Энн, чтоб тебя и твою любовь к пудингам!.. От этого действительно звериного прыжка я еле ушла – перекатом влево. Потом, путаясь в юбке, с грехом пополам поднялась. Враг, лица которого я не видела – стоял спиной к костерку – снова взвыл и снова прыгнул. Типа, добить меня, подлую... Тело Сары-Энн, абсолютно не имевшее моих навыков, реагировало на мои приказы с удивительными тормозами. Но хотя бы вообще реагировало, и это был плюс. Шаг влево и вперед. Ружье – прикладом вперед и вверх, со всей дури... Хрясть! А-а-атлично. Что там сломалось, сейчас хотя бы проверить можно: нападавший упал. Ага. Все сломалось. И шейные позвонки супостата, и приклад ружья. Что ж мы теперь без ружья-то делать будем?.. А Толик там как?

А Толик был очень даже неплохо. Вытирал клинок палаша какой-то тряпкой, а у его ног лежал еще один жмурик. Только сейчас я разглядела «своего» убитого. Елки тресни, это же индеец!

«Я была готова убивать, но никогда не убивала...».

От осознания факта убийства себе подобного (хотя тот сам напросился, если честно) меня замутило. И не только меня. Мы с Толиком, тяжело дышащие, обменявшись тяжелыми затравленными взглядами, синхронно склонились в разные стороны, выдав наружу весь свой ужин с кофеем впридачу.

Мы победили, блин...

Мальчишки.

Блин горелый, так мы, получается, пацанов пятнадцати-шестнадцати лет завалили. Ну, еперный бабай...

И без того хреновое настроение стало вовсе... гм... В общем, тоже на букву «Х», но не подумайте, что «хорошее». Если быть честными, то нам просто повезло. С взрослыми индейскими воинами у нас шансов было бы как бы ни меньше, чем при сбросе «ядренбатона» прямо нам на головы: мистер Годдард умел работать саблей ничуть не лучше меня в «прошлой жизни», то есть – уровень клуба исторического фехтования, а про Сару-Энн я вообще помолчу. До сих пор пальцы не чувствую – ружье при ударе попросту вывернулось из беленьких ухоженных ручек. Мои бы ей лапы – с зажившим переломом, со следами давних царапин, порезов, ожогов от искр металла и шершавыми от работы с оружием ладонями... С другой стороны – мы прибили малолеток. Конечно, эти малолетки (что услужливо подсказала память Сары-Энн) наверняка шли за скальпами белых людей, дабы от-

личиться перед своим вождем. А расставаться со скальпом не желали ни я, ни донорша. Тут уже а ля гер ком а ля гер: или они меня, или я их... «Жестокий мир, жестокие сердца». Оно самое.

Минута слабости прошла, слава Богу, что в окрестностях нашей стоянки не оказалось еще одного индейца. В тот момент нас смог бы прирезать даже десятилетний сопляк.

Опомнившись, мы принялись молча осматривать трупы на предмет трофеев. В нашем положении хорошее оружие могло оказаться подспорьем. Увы, наличием действительно хорошего оружия убитые нами индейцы похвастать не могли. Ножи хреновые. Тщательно отточенные, но из такого говенного железа... Кто салагам хороший ножик доверит? Топорики тоже годились разве что в коллекцию любителей экзотики, не более: кремневые лезвия, хитро закрепленные ремешками и сухожилиями в расщепленной палке. Здравствуй, каменный век... Ремешки и прочие веревочки не в счет, равно как и кожаные мешочки с какими-то травками. Лекарства, что ли? На всякий случай приватизируем...

Тихий жалобный мям я услышала только потому, что с той стороны дунул ветерок. Сразу же вернулась мысль о кошках, переживших... э-э-э... перемещение гораздо успешнее нас.

– Толик, слышишь?

– Слышу, – Толик, выпрямившись, положил ладонь на рукоять заткнутого за пояс пистоля.

– Шпана?

– Шпана. Машка орет громче. Сходить?

– Я тебе схожу! Давно никто на тебя с топором не набрасывался?

– Если бы тут кто-то еще был, – я кивнула на убитого индейца, – он бы уже на выстрелы примчался.

Звук повторился, на этот раз чуточку громче.

– Тут близко! – пискнула я и, не дожидаясь одобрения, ринулась вверх по склону. Вслед мне понеслись междометия, коими Толик обычно заменял непечатные слова.

Тут действительно было близко. Метров с полсотни. Но попробуйте преодолеть эти метры в длинной юбке, да вверх, да сквозь кусты – я посмотрю, какими словами вы прокомментируете свое восхождение. Я – молчала. Ругалась мысленно, но от души. Не стоит привлекать к себе внимание потенциального противника. А вдруг я ошиблась, и здесь в кустах еще парочка краснокожих воинов засела? Младшие братья убитых нами, жаждущие мести? Проверять это почему-то сильно не хотелось. Потому я постаралась как можно быстрее определить, откуда доносится кошачий призыв. А маяв доносится во-он от того куста... Что это? Блин, фонарика нет. Даже мобилы нет, чтобы подсветить. Кажется, кожаный мешок. Перетянутый ремешком в горловине и привязанный к толстой ветке. Шевелится. Мяучит.

– Шпана! – наугад позвала я. – Шпануська!

Мешок в ответ буквально запрыгал по земле, а жалобное мяуканье сделалось истерично-радостным. Шпанка! Узнала!

Перехватив ремешок ножом, я тут же сдернула с места и рванула назад, к костру. Лучше там кошку освобождать, чем здесь, в темнотище. Кажется, порвала подол, ну да фиг с ним. Главное, что уже через пару минут мы с Толиком разрезали крепкие ремешки и выпустили на свободу нашу сибирячку... Незнакомые лица и запахи сперва перепугали бедную кошку еще больше, но она все же нас узнала. По интонациям, что ли? Надо было видеть последовавшие за этим пять минут. Мы были облизаны и обтерты пушистыми боками со всех сторон, а также заставлены чесать еще более пушистое брюшко. Бедная зверюшка, невесть сколько просидевшая в кожаном мешке, даже на консервы внимания не обратила. И только потом, дрожа и давясь, прихватилась за еду, будто голодала не меньше недели. Честное слово, мы даже забыли о трупах индейцев, которые после обыска оттащили под ближайший куст.

Не успела наша пушистая хоть немного утолить голод, как с юга показался огонек.

– Люди, – сказала я, не зная, радоваться или нет.

– Если это испанцы, – проговорил Толик, доставая разряженный во время стычки с индейцами пистоль, – то встретят нас без большой радости. Я бы даже сказал – прием может оказаться слишком горячим... Держи.

Пистоль пришлось дозаряжать мне, благо имелся соответствующий опыт. Да, я неправильная женщина. Я не смотрю сериалы, не обсуждаю моды и рецепты, зато обожаю компы,

мобилки, отточенные железяки и всякие убойные штучки, коими баловались прашуры. Бог свидетель, даже в страшном сне не могло присниться, что однажды это пригодится мне на практике... Шпанку пришлось привязать трофейным ремешком к тяжелому тюку, чтобы котятка, испугавшись, не убежала.

Мы засели с заряженным оружием за импровизированными баррикадами, сооруженными из мешков и веток. Кто бы там ни был, предосторожность не лишняя. Мало ли... Индейцы вряд ли будут шастать с огнем. Испанцы – эти точно не обрадуются двум англичанам. Убить не убьют, но приятного все равно будет мало. Обчистят и выкинут. Англичане... Не думаю, что если тут есть еще фактории, их хозяева сильно обрадуются новому конкуренту. Но эти хотя бы своих примут, накормят и спать уложат. А потом будут разбираться, кто кому и сколько за это должен... Огонек приближался. Я услышала, как зашипела, задергалась на импровизированном поводке Шпана. Ага. Значит, вон та тень размером с откормленного теленка – собака? Это что за порода такая? И почему двигается молча?

Толик взвел курок, отчетливо щелкнувший в ночной тишине.

– Hey, ladies and gentlemen! Do not shoot! Our dog does not like shots!¹

¹ Эй, дамы и господа! Не стреляйте! Наша собачка не любит выстрелов! (англ.).

– Who are you?² – немедленно поинтересовался Толик.

– We are... Russian missionaries!³

– Чего? Какие на фиг миссионеры? – расслышала я «оттудова».

– Эй, народ! – крикнула я по-русски, проверяя совершенно бредовую мысль, которая пришла мне в голову вот только что. – Вы часом славянский шкаф не продаете?

Там, то есть на бережку, сперва кто-то явно выпал в осадок. В нерастворимый. Потому как тишина воцарилась воистину гробовая. А потом... Потом грянул смех.

– Продаем, продаем, – заржал кто-то. – И слоны у нас на север ходят! Вы кто? Махровцы?

– Одни из самых махровых, – теперь смеялись уже мы с Толиком. Тяжесть, давившая на нас последние часы... Да что там часы – все дни с того момента, как мы узнали о гибели Днепропетровска – отпустила. Действительно, будто гора с плеч. – Казак и пиратка – прошу любить и жаловать!

Шоно

Сказать, что я был в шоке – это ничего не сказать. Я был не просто в шоке. Я был в супершоке. Нет, не так. Я был в СУПЕРШОКЕ!!! Ну и что, что я зачитывал от корки до корки любую литературу про попаданцев, вселенцев, засланцев и т. д. Ну и что, что я воображал себя ГГ, представляя, как

² Кто вы такие? (англ.).

³ Мы... русские миссионеры! (англ.).

бы я, такой умный, эрудированный и т. д. действовал бы на его месте. НО!!! Одно дело – голая теория, и совсем другое дело – реальная жизнь. И что мне делать – дитю каменных джунглей в этом лесу не то средней полосы России, не то Европы, не то Северной Америки. Магазинов-то здесь нет, когда появятся, и появятся ли здесь вообще, один Аллах ведает (в которого я не верю). Хотя, после случившегося, попробуй не поверить. Хорошо хоть не одного меня сюда забросило, а с коллегами по форуму. Не представляю, что было бы, попади я сюда один-одинешенек. Загнулся бы, как пить дать. Но – оставим наконец, эти грустные мысли и пойдем дело делать. С этими мыслями я встал и пошел искать нашего завхоза, зампотылу и пр., и пр., и пр. – Зубрилку. (Ну не успел я разобраться, кого и куда назначили, а этот попаданец ходил с задумчивым видом и поглядывал на кучку вещей, что-то прикидывая в уме.)

– Коллега, у нас маленькая проблема.

– Маленькая? Таки я вас огорчу, любезный вы наш дохтур. Ваша маленькая проблема имеет полный шанс потеряться среди огромного числа проблем – и маленьких, и не очень.

– Я серьезно. Эта маленькая проблема скоро станет очень даже не маленькой. Вы посмотрите, что делается. Народ, как приспичит, под кустики идет.

Вокруг лагеря скоро МКАД из экскрементов будет. Если срочно не построим туалет типа «выгребная яма», скоро у

нас будут холера, тиф, а то и чума до кучи. И строить надо так, чтобы от него до кухни и столовой было не ближе семи-десяти метров, а лучше еще дальше.

– Ладно, посмотрим, что можно сделать.

Из дневника Сергея Акимова

Солнце уже почти свалилось за горизонт, близилась первая ночь нашего попаданства. Если мы не ошиблись в определении места и времени провала, то темное время суток, должное наступать по команде «Отбой!», в этих широтах ожидалось довольно рано, часов в девятнадцать, плюс-минус несколько минут. Встретив поисковую группу, которую практически моментально сформировал Дядя Саша и повел на звуки выстрелов, обозначившие присутствие в здешних местах еще кого-то из двадцать первого века, мы в темпе распределили груз, оказавшийся в нашем распоряжении, и быстрой рысцой выдвинулись на общую точку сбора, само собой организовавшуюся на месте «десантирования» Ирины. После первых, довольно бурных минут встречи у кафешного столика, бывшего ориентиром для пришельцев из будущего, времени на рефлексии и обсуждение извечных русских вопросов у нас не оказалось.

Выяснилось, что пока нас искали, ребята на берегу тоже не прохлаждались без дела. Клим, боевой пловец с ТОФа, по каким-то своим приметам определил, что высшая точка прилива приходится примерно на два часа местной ночи. И ес-

ли мы хотим получить в свое распоряжение шхуну, застрявшую в рифах совсем рядом с берегом, то лучше не тянуть. Даже без всяких штормов ее могло расколотить о скалы прибоем, а в нашем положении упускать шанс весьма неплохо прибрахлиться за счет бесхозного имущества было бы верхом расточительства.

Немного определившись с порядком действий, все дружно принялись за дело. Клим опять уплыл на шхуну, налаживать канатную переправу для разгрузки судна, с ним отправились еще два человека, хоть что-то соображавшие в морском деле. Остальные обеспечивали прием груза на берег, заводку якорей для вытягивания кораблика со скалы, складирование вещей в более-менее подходящем месте и создание хоть какой-то системы обороны. Утренняя стычка с местным населением подсказала, что щелканье клювом здесь и сейчас чревато весьма печальными последствиями.

Было понятно, что спать в эту ночь никому не придется, попытка устроить «мертвый час» для Ирины и ее сестры ни к чему не привела. Они вели себя не очень адекватно, хотя, на общем фоне толпы мужиков, оказавшихся в телах молодых парней, черт знает где и когда, это не так бросалось в глаза. Мы и сами иногда вели себя не лучшим образом, даже с учетом того, что постоянным общением на ВВВ вроде бы приобрели некоторый иммунитет к возможному повороту судьбы. Но об этом легко рассуждать перед экраном монитора, потягивая пиво и выискивая «заклепки» в опусах своих кол-

лег по форуму. Так что нервная веселость девушек, сменявшаяся резкими переходами к мрачной задумчивости, никого особо не удивляла.

Мы не успели еще толком перезнакомиться по новой со своими ранее виртуальными коллегами, как от этого довольно шумного процесса нас отвлекла Ирина. Она сделала круглые глаза и совершенно по-детски, пальцем, показала куда-то за спины Котозавра и Курбаши. Да уж... Там было на что посмотреть, хотя, казалось бы, куда еще дальше. Из ближайшей рощицы к нам направлялся очередной попаданец, вот только в отличие от всех остальных, одетых и нагруженных достаточно разнообразно, с пустыми руками никто в это время не провалился, одеждой и вещами он был не обременен. Конечно, нельзя сказать, что он был в костюме Адама и с голыми руками, но семейные трусы, майка явно меньшего размера, чем требовалось на такую атлетическую фигуру, на костюм для раута явно не тянули. Одной рукой он поддегивал свои труселя, во второй держал большую кружку с легкомысленными цветочками на боках, из которой машинально отхлебывал через каждые два-три шага. Даже на таком расстоянии было заметно, что человеку явно нехорошо после вчерашнего.

Но последний штрих в образе незнакомца доводил картину до полного абсурда. Он был в летных унтах! И как раз эта деталь сразу навела меня на одну, не сказать, чтобы слишком сложную, аналогию. Когда пришелец приблизился к нам по-

чти вплотную, я уже совсем уверенно представил его остальным:

– А теперь, дамы и господа, разрешите вам представить Анатолия Логинова, нашего собрата по не знаю уж чему, несчастью или подарку Фортуны.

– Что... Кто... Где...

Старый Империалист

Очередная картина русского художника Иванова «Явление хм... народу» меня как-то не тронула. Боксом не увлекался никогда, но по морде лица в юности получал. Вот и сейчас я «плыл», как после пропущенного удара. Хотя приглядевшись внимательней, понял, что Иванов здесь не рисует, только Дали мог создать такую картину. После торжественного объявления о явлении товарища Логинова и его рассказа я сдуру озвучил глупейший вопрос:

– А бинокль где? Авиационный.

Из дневника Сергея Акимова

Трудно было ожидать от новичка нормальной речи. Мы все-таки успели хоть чуть ознакомиться с обстановкой, да и в одиночестве каждому из нас пришлось побыть совсем недолго. Анатолий же, как можно было предположить, перенесся сюда в один из моментов утреннего просветления, знакомого каждому, кто переживал последствия бурного застолья накануне. Как это иногда бывает, он успел сделать что-

то осмысленное, кружка с кофе говорила о том, что на приготовление допинга у него сил хватило. А дальше, понятно, отхлебнул глоточек, присел чуть-чуть оклематься, и опять впал в нирвану.

После его рассказа все примерно так и оказалось, заодно открылась тайна поставившей в нас недоумение обуви.

– Военкомат наконец решил, что авиационные специалисты нужны поближе к самолетам, а не в тылу, прислали повестку. Жену заранее отправил подальше от Москвы, вот и собрались с друзьями на «отходную». А они давно уже подначивали меня с обложкой книги «СССР – ответный удар», намекали, что я постоянно одет не по форме. Где-то достали и притащили эти унты. Не помню, кто и как вечером расходил, утром сил хватило встать, натянуть на ноги то, что первое попало под руку и добрести до кухни. Дальше опять не помню, когда чуть прочухался – сижу у какого-то развесистого дерева, места совершенно незнакомые, подумал что вот она, белая и совсем горячая, догнала! Сделал пару глоточков, а кофе я с коньяком сготовил, так снова придремал. Потом услышал сквозь сон – вроде где-то стрельнули, кое-как поднялся, стал бродить по округе, увидел в просветах между деревьями море, пошел – а тут вы. Так что на самом деле случилось, кто вы и где я?

Долго размышлять над превратностями судьбы нам не пришлось. Сразу с двух сторон пляжа к месту сбора приближались два новых персонажа. Если первый был одет в бо-

лее-менее привычный нам полувоенный камуфляж, то второй как будто сошел со страниц романа Фенимора Купера. Именно таким я представлял его знаменитого Соколиного Глаза – высокие ботинки, длинная куртка, под которой виднелись штаны из грубого сукна с кожаными вставками и, самое колоритное – на плече он нес знаменитое «длинное ружье», именно такое рисовали на иллюстрациях в книгах. Поскольку он приближался к нам совершенно спокойно, можно было предположить, что перед нами еще один попаданец, неведомыми путями попавший в тело местного жителя. Знакомство с нашими новыми коллегами состоялось уже почти буднично. Крепкий, среднего роста парень в комке оказался Артемом Рыбаковым, более известным под ником Артоф, трапер предложил называть себя Константином или Рысенком. Рассказы о событиях, предшествующих «провалу» и своих блужданиях до выхода к нам, они решили отложить до более спокойных времен. Тем более что, судя по уже известным нам историям остальных ребят и девушек, практически у всех процесс попадалова выглядел одинаково, без особых эффектов – вот наш мир и время – бах, и уже тут, в совершенно незнакомом месте и времени. Решили отложить обмен впечатлениями на потом, а сейчас заняться более актуальными проблемами.

Командирство Дяди Саши сложилось как бы само собой, а он уже своей властью назначил парня в форме армии Беларуси и тремя звездочками на погонах начальником штаба.

Было видно, что возражения у Старого Империалиста против такого назначения были, но недостаточно веские, чтобы сразу отказаться. Я пока решил не светить звание и действительной род занятий, назвался честно (ну записали ВУС на-чпродом, кто же виноват теперь) тыловым офицером, хотя это мало помогло избежать назначения замом по МТО. Хотя, что тут сетовать, выживать надо, а не отлынивать. Для начала приодел Логинова, в тюках, которыми был нагружен во время переноса Сет Север, оказались форма и снаряжение для звена морпехов. Как он рассказал, готовился десант на какой-то остров, вот их и припахали как носильщиков для настоящих солдат, которые в то время расконсервировали тяжелую технику.

Глава 2

Из дневника Сергея Акимова

Здесь я опять сделаю отступление, и дам слово нашим коллегам, «попавшим» в XVIII век достаточно далеко от остальных и вынужденных бродить в одиночестве, пока сами не вышли к побережью, или их не нашли наши поисковые группы.

Всеслав

– И исчезла тут супруга. Это был большой облом, – прокомментировал я вслух, очухавшись. Жаль, никто не смог оценить моего искрометного юмора. Встав с земли (как-то подозрительно легко), осмотрелся. Ну ни хрена себе! Такого леса у нас в Сибири точно нет, как биолог говорю. Это... или побережье Тихого океана, или вообще Америка. Во, сейчас пойду и наваляю пиндостанской арму – с тремя-то патронами. Ладно, спишем на шоковое состояние. Благо имеет место быть. Итак, похоже, нам всем суровый зверек, я или в раю, или еще где. Но на ад не похоже. А похоже... ну-ка, ну-ка. Мозг, однако, хорошо работает. Биологический факультет, препод Зудова Мария Львовна: «А еще в Калифорнии растет такой чапараль. Это растение похоже на наш кедровый стланик, но на самом деле оно дуб. Примерно такой же, как вы». Женщина легкого поведения, я в Калифорнии. Или

в Мексике. Ну, кроме всего прочего – звездец Голливуду!

Следующие полчаса вспоминать не буду – схватило за нервы. Матерился, орал что-то, катался по земле, кажется. Потом успокоился – раз уж всему хана, надо как-то определяться.

Для начала – инвентаризация имущества. Ну, во-первых, на правой ноге снова пять пальцев и отсутствует шрам на коленной чашечке. Во-вторых, куда-то пропало килограмм двадцать лишнего веса. В-третьих... посмотрел на себя в отполированное лезвие ножа. Лицо двадцатилетнего парня. Ну, это в плюс, потом разберемся, за что такое счастье. Так, рюкзак. Соль, спички, зажигалка, три пачки красного «Бонда» (блин, курить не тянет. Но если мне двадцать, то это вполне объяснимо – курить я начал в двадцать восемь, после развода, организм не приучен), спальник, три патрона картечь, три патрона 7,62 от трехлинейки. Булка хлеба. Банка тушенки. Топор. Нож. Котелок армейский с крышкой. Нетбук и зарядник к нему. Мобильник. USB-модем. Стоп. Втыкаем его в ноут, смотрим... ошибка 678, не удастся установить соединение. Интересно, где это я? В роуминге по умолчанию должен гавкнуть. И на мобиле – «Сеть отсутствует»... все страньше и страньше. В упор не поверю, чтобы наши люлей не выписали в оборотку. Здесь по идее горячий снег должен падать на лысые головы, а губернатор-терминатор – вспоминать молодость и айл би бэк. Однако же ничего подобного. Ладно, не суть пока. Далее – спиннинг, коробка с

рыболовной снастью. Ну, это всяко пригодится.

...Если не знаешь куда идти – иди вниз. Выйдешь на речку, а по речке – всяко к людям. Иду вот уже часа три. Над головой ни одна живая падла не пролетала. Зверь непуганый, сшиб топором какого-то бурундука, на ходу снял шкурку и выпотрошил. Змей до фига, как бы не гремучих. Надо бы тоже одну хлопнуть, все мясо. Видел следы медведя и какой-то большой кошки. Ночью стоит заныкаться как следует...

Зануда

Ой, что это? Я инстинктивно нажал на тормоз и позорно заглох. Приснится же такое. Вместо забитой машинами дороги – поросшие травой холмы. Ручник, передача – теперь машина не поедет. Надеюсь. Пытаюсь проснуться, щиплю себя, протираю глаза – все то же. Холмы, покрытые то ли кочками, то ли кустами, между которых проглядывают светлые камни. Может, это я на солнце перегрелся? Поливаю голову водой из бутылки, ложусь, потом встаю – голова мокрая, футболка неприятно липнет к телу, но трава перед капотом не исчезает, а задок «жигулей» не появляется. Слегка жму пальцем на веко. Холмы двоятся – значит, не галлюцинация. Только ведь если я знаю о такой проверке, то могу неосознанно ее обойти. Доктора мне, доктора. И сразу психиатра.

Господи, за что? Ведь я никогда в жизни не мучил животных и не ставил над ними опыты. По крайней мере, тепло-

кровных животных. Или это такое наказание за лягушек и аквариумных рыбок? Или корова – действительно священное животное? Кришна и Рама, простите меня – я стану вегетарианцем, обрею голову и стану носить оранжевый балахон. Только верните мне Горьковское шоссе, очки и пивной животик! Харе Кришна, Ave Mater Dei⁴ и десять тысяч лет жизни императору!

Впрочем, будем мыслить логически. Какие возможны гипотезы? Я брежу – неконструктивно. Я попал в загробный мир. Этакую Вальхаллу для джиперов. Проверять, восстанут ли здесь сраженные, коснувшись земли, на себе не хочется, а больше не на ком. Надо мной проводят эксперимент с виртуальной реальностью. Правдоподобно. Там (почему-то я был уверен, что Москва, Горьковское шоссе и вся привычная жизнь остались «там», а не «тогда») как раз по обе стороны дороги были бетонные заборы еще советской постройки. То ли воинские части, то ли «почтовые ящики». По какому праву?! Я пулей вылетел из машины, обежал ее спереди и долго выкрикивал самые обидные слова и показывал неприличные жесты туда, где по моим предположениям находились неизвестные мне экспериментаторы. Безрезультатно. Все то же небо над головой, поросшие лесом горы, трава и камни...

За следующие несколько часов я удостоверился, что реальность вокруг меня очень похожа на настоящую. Светило в небе движется как настоящее Солнце, на пятнадцать граду-

⁴ Радуйся Матерь Божия (*лат.*).

сов в час. Килограмм весит ровно килограмм, кровь красная, трава зеленая, на елках растут шишки. Эфир чистый и пустой – ни радиопередач, ни промышленных помех. GPS не работает, часы показывают что угодно, но не местное время. Но идут, и в согласии с движением светил. Растительность и животные в общем незнакомые, но не фантастические. Хотя вблизи я никого не разглядел. Боятся человека? Значит, здесь за ними охотятся. Дорог не видно, да и направлений не просматривается. Похоже, меня выбросило (или высадили) на водораздел – сглаженный миллионами лет эрозии хребет, слишком сухой и ветренный для того, чтобы на нем росли деревья. На север и юг он тянулся, на сколько хватало глаз, к востоку поднимался, загораживая обзор, а к западу довольно круто спускался в заросшую лесом долину.

Отходить далеко от машины я не решился. Ориентир и для меня, и для спасателей. Если они будут. Воображение услужливо нарисовало мне красно-белый вертолет, опускающийся рядом с грудой ржавого металла, несколько десятков лет назад бывшей автомобилем. Зато вспомнил про пожары в прериях и долго выпалывал траву, чтобы сделать защитную полосу. Окончательно удостоверился в том, что это не Вальхалла: руки пачкаются, царапины не заживают, мозоли вздуваются. Когда сгустились вечерние сумерки, поужинал печеньем и остатками минералки. Долго смотрел на небо, ища отсветы от городов. Видел несколько метеоров, знакомые звезды северного полушария и непривычно яркий

Млечный путь. Полярная звезда была необычно низко, пожалуй, как в Крыму. Но была. И Большая Медведица, и Кассиопея, и летний треугольник поднимался на востоке. Похоже, это все-таки земля. И мне не надо бояться Стобора. С этой мыслью я заперся в машине и провалился в сон.

Динго

Вот это да! Окружающий пейзаж радикально изменился. Вместо чахлого лесопосадочного сосняка, разбавленного осинами, меня окружал вековой смешанный лес. «Уазик» стоял очень «удачно», ничего не скажешь. Передний бампер упирался в могучий дуб, метра полтора в обхвате, задний подпирал здоровенный валун. Точнее, скала. Справа от машины был обрыв метров десять минимум, слева ель, в которую я вписался башкой. В общем, ни вперед, ни назад, ни в стороны. Собственно, если ель спилить, то в сторону-то можно. Но вот сдвинуть машину поперек хода – нужна мощная лебедка или что-то подобное. А нету ничего такого. Приехали. А куда, собственно, приехали? Нет, ну это явный перенос, только вот куда? В прошлое, в будущее – если Хома Сапиенс давно вымер, то такие леса в самый раз – или еще куда. Может, на другую планету? В любом случае «поезд дальше не идет, просьба освободить вагоны». Иными словами, дальше только ножками, ножками, как там у Киплинга: «И только пыль, пыль, пыль, из-под шагающих сапог». Кстати, насчет пыли, таковой пока не предвидится. Травка кругом,

лес смешанный, дубы с елками. Но какой-то не такой лес. Ну, есть какие-то неуловимые отличия от елок-березок средней полосы.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.